

Тюменский научный центр
Сибирского отделения РАН
ЦЕНТР ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Финансово-инвестиционная
корпорация
"ЮГРА"

*В.И.Бакштановский,
Ю.В.Согомонов,
В.А.Чурилов*

*Этика успеха
Введение в доктрину*

Спецкурс

Тюмень-Москва
1996

ББК 87.725
Б.199

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов. Этика успеха. Введение в доктрину. Спецкурс. Препринт. / Издание Центра прикладной этики. - Тюмень-Москва, 1996. - 134 с.

Центр прикладной этики продолжает выпуск монографий, журналов и учебных пособий по различным направлениям прикладной этики. Издаваемое препринтом введение в доктрину этики успеха представляет собой спецкурс, который предваряет цикл работ по этике успеха в сфере политики, предпринимательства, профессиональной деятельности, воспитания и т.д.

Проект инициирован Центром прикладной этики при интеллектуальной и финансовой поддержке Совета народных депутатов и Думы Ханты-Мансийского автономного округа.

Tyumen Scientific Center
Siberian Branch of the RAN
THE CENTER FOR APPLIED ETHICS

Financial Investment
Corporation
"YUGRA"

V. I. Bakshtanovsky,
Yu . V. Sogomonov,
V. A. Churilov

The Ethics of Success
An introduction to doctrine

A special Lecture course

Tyumen-Moscow
1996

V.I.Bakshantovsky, Yu.V.Sogomonov, V.A.Churilov. The Ethics of Success. An introduction to doctrine. A special lecture course. Preprint / Tyumen-Moscow: The Center for Applied Ethics, 1996. - 134 p.

The preprint of the introduction to the doctrine of the ethics of success is a special lectures course that precedes the series of investigations of success ethics in policy, business, professional activity, nurture and so on.

The project is initiated by the Center for Applied Ethics with the intellectual and financial support of the Soviet of the People's Deputies and Duma of the Khants and Mancies Autonomous District.

Содержание

Предисловие.....	9
------------------	---

Лекция первая

Доктринальная амбиция

Апология.....	11
Доктрина родительного падежа.....	14
Структура предмета: программа-максимум.....	17

Лекция вторая

Этика успеха: исторический контекст

На пути к цивилизации достижений	21
Приход достигательной цивилизации	22
Естественность "неестественной" морали.....	23
Самокритика этики успеха.....	25

Лекция третья

Источники

Алгоритм поиска.....	26
"Теория хорошей работы".....	26
Культурология успеха	32
Психология успеха и неуспеха.....	36

Лекция четвертая

В какой познавательной ситуации феномен успеха становится предметом этической доктрины

Эффект конкретизации: этика успеха как результат развития нравственности.....	41
Категорический императив успеха.....	43
Как возможна добродетельность этики успеха: аргументы от аретологии.....	46
Достижение и отчуждение.....	54
Достижение и свобода.....	57
Дезангажемент успеха: моральное алиби для уклонившихся.....	59

Лекция пятая

Как возможна этика успеха в России?

Вопросы, которые мы выбираем.....	62
Модернизация:	
неподатливость социальной материи.....	63
Цивилизационная атрибуция России.....	64
"Псевдоморфоз".....	67
Шансы для этики успеха.....	68
Национальная модель этики успеха: версии.....	69
Аксиологический маятник.....	70
"Рандеву" этики успеха с российской ментальностью.....	71
Идея успеха на родине Ивана-дурака.....	73

Лекция шестая

Этика успеха

в контексте пострациональной морали

Инвективы или надежды?.....	76
Современная цивилизация: моральный кризис и моральное обновление.....	77
Нравы постсовременности.....	78
Пострациональная мораль: новая судьба этики успеха.....	80
«Спор о “древних” и “новых”»: ожидание финала.....	82
Примечания.....	84

Contents

Preface.....	9
The First Lecture	
<i>Ambition of the doctrine</i>	
Apology.....	11
Doctrine of the genitive case.....	14
Structure of the subject: maximum program.....	17
The Second Lecture	
<i>The ethics of success: a historical context</i>	
On the way to the achievement civilization.....	21
Advent of the achievement civilization	22
“Unnatural “ moral is natural.....	23
Self-criticism of the success ethics.....	25
The Third Lecture	
<i>Sources</i>	
Algorithm of search.....	26
"Theory of the good work"	26
Culturology of succes.....	32
The psychology of success and unsuccess.....	36
The Forth Lecture	
<i>The cognitive situation</i>	
<i>that the phenomenon of success becomes</i>	
<i>the subject-matter of the ethical doctrine</i>	
Concretization effect:	
the ethics of success as a result	
of the development of moral.....	41
Categorical imperative of success.....	43
Goodness of the success ethics:	
aretology arguments.....	46
Achievement and alienation	54
Achievement and freedom	57
Disengagement from success: the moral alibi for abstainers.....	59
The Fifth Lecture	
<i>Fates of the success ethics in Russia</i>	
The questions we choose.....	62
Modernization:	
the unyielding social substance.....	63
Civilization that Russia is attributed to.....	64
"Pseudomorphosis".....	67
Chances for the success ethics.....	68
National model of the success ethics: versions.....	69
Axiological pendulum.....	70
"Rendezvous" of the success ethics	
with Russian mentality.....	71
The idea of success in the motherland of Ivan the Fool.....	73

The Sixth Lecture
The ethics of success
in the context of postrationalai moral

Invectives or hopes?.....	76
Contemporary civilization: moral crisis and moral renovation.....	77
Postmodern customs.....	78
Postrationalai moral: a new fate of the success ethics.....	80
«The dispute of “the ancient” and “the new”»: expectation of the finale.....	82
Notes.....	84

Предисловие

Вступая в одну из наименее освоенных сфер нравственной жизни и областей этического знания, считаем необходимым предварительное объяснение своих амбиций и, одновременно, принятых нами ограничений,

Кажется, выстроился уже целый ряд книг о прикладной этике (о деонтологии воспитания, политической этике, нравственной философии предпринимательства, ценностях гражданского общества, региональном этосе), в название которых мы включаем характеристику "Введение". Да и в тех книгах, в названии которых этого слова нет, оно все равно подразумевается. И можно ли иначе, если прикладная этика имеет дело с процессами нового освоения, значит, менее всего изученными и более всего значимыми.

Характеристика "Введение" предполагает здесь не популярное изложение общепринятой теории, но представление читателю начальной стадии формирования теории. Теории, которая еще только конституируется. Идет энергичный поиск и апробация методологии, осознается специфика теоретизирования и способов связи его результатов с практикой.

Издаваемый препринтом спецкурс "Этика успеха. Введение в доктрину" предваряет цикл работ, посвященных исследованию основных направлений прикладной этики с точки зрения места и роли в них ценности успеха. Первым к печати подготовлен спецкурс об этике политического успеха.

Амбиция доктрины этики успеха - определение реального места ценности успеха в современной и пост- современной морали в целом и поиск оснований для вывода о возможности обнаружения и культивирования этики успеха в современной России. Поиск, исходящий из понимания того, что пока эмпирические основания доктрины представлены в нашей стране скорее как островки ценности успеха.

Доктрина, предлагаемая нами для участия в дискуссии идей, способствующих обновлению России, имеет этический характер. И уже поэтому она ориентирована только на такой конкурс, который не допускает правил "игры с нулевой суммой" (победа одной стороны автоматически означает поражение другой). Она рассчитана на конкурс идей, способных к сосуществованию и даже взаимообогащению.

Мы достаточно отчетливо представляем как масштабы проблем, так и их многозначность и сложность, чтобы осознать всю безнадежность намерений обрести удовлетворительные ответы на них в пределах ограниченных знаний и столь же ограниченной площади вводного курса. Не сочувствия, снисхождения и милости мы ожидаем со стороны читателя, а понимания того, что в один прием просто немислимо даже понять весь массив проблем. Какая-то его часть представляет далекую от скорого разрешения задачу общественознания в целом, оказавшегося в ситуации "парадигмальной анархии". Какую-то часть вопросов все же рискнем обсудить сейчас и в последующих работах, представляющих нашу доктрину. Рискнем, отдавая себе отчет в неполноте, предварительности и все еще невысокой инструментальности предлагаемых ответов.

Мы стремимся к пониманию современного читателя. И, может быть, нашей самоиронии, выраженной с помощью цитаты из книги Михаила Булгакова, будет достаточно, чтобы показать амбиции нашей доктрины в отношении слишком распространенного намерения "учить жить"? "...Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? - спросил Берлиоз. - Да, консультантом...".

Непредписательная стратегия консультирования. Категорическое неприятие

ролевого репертуара "пастыри" - "паства". Принципиальная установка на диалогическое взаимодействие этической (и в целом гуманитарной) науки и практики нравственной жизни. Все эти установки создают непреложный кодекс проекта, в центре внимания которого рождение и развитие этики успеха в современной России.

Лекция первая
ДОКТРИНАЛЬНАЯ АМБИЦИЯ

...Когда я впоследствии дважды переработал эту речь,... я назвал ее так: "Das Spiel - element der Kultur", "The Play Element of Culture" ("Игровой элемент культуры"). Устроители моих выступлений оба раза исправляли название: "...in der Kultur", "...in Culture" ("...в культуре"), но я снова зачеркивал предлог "в" и восстанавливал родительный падеж.

Для меня проблема заключалась не в том, какое место занимает игра среди прочих явлений культуры, но в том, насколько сама культура носит игровой характер. Мне было важно - и этому посвящена также данная обстоятельная студия - понятие игры, если позволительно так выразиться, интегрировать в понятие культуры.

Йохан Хейзинга. Homo Ludens.

Апология

В калейдоскопическом многообразии предлагаемых сегодня идей, программ и проектов возрождения России, ее вхождения в постиндустриальную цивилизацию, даже в тех из них, где явно прочитывается апелляция к *личности*, ее интересам и духовным силам, слабо артикулируется *идея* успеха. Речь идет о ценности выбора самого стремления к достижениям как важнейшей жизненной ориентации, о значимости умения выбрать стратегию *служения* делу, о подтверждении *призвания* успешным результатом. Без этого любой призыв к возрождению может обернуться, вольно или невольно, лишь возвращением назад или, в лучшем случае, топтанием на месте. И это неизбежно, если в моделях *русской идеи* как таковой будут преобладать подозрительные относительно *идеи успеха* настроения и интенции, такие обращения к потенциалу *личности*, в которых ее стремление к нравственному совершенству едва лишь связаны или даже буквально отчуждены от ее достижительных мотиваций.

Этика успеха рассматривается нами как мировоззренческая *доктрина*, своеобразная *практическая философия* современности, способная - с высокой степенью вероятности - по мере развития страны превратиться из идеи для *творческого меньшинства* в участницу конкурса идей общенационального масштаба. "Способная"?! Но почему же так и не "ставшая"? И даже, кажется, до сих пор и не возникшая в такой своей ипостаси?

Казалось бы, очевидно, "почему": *доктрина этики успеха* - не просто дерзка, если иметь в виду ее притязание на собственную нишу и в практике нравственной жизни, и в этической теории, но и - по распространенному убеждению - атрибутивно конфликтна в отношениях как с отечественными архетипами, так и с традициями, в том числе и научными. Нет, не "очевидно": конфликтна, но лишь с некоторыми архетипами! Лишь с некоторыми традициями! Ибо и в менталитете, и в реальной истории страны доктрина этики успеха находит, по нашей гипотезе, свои основания, точки опоры.

Задумаемся: отчего же наш "советский человек" стал не просто читать, но зачитываться "наукой успеха" Дейла Карнеги, взращенной на совсем другой почве? Не потому ли, что перестройке удалось внушить ему надежду на зависимость и жизненного, и делового успеха от самого человека, от его стремления преуспеть и от его умения выбирать и выстраивать соответствующую стратегию? Не это ли заветный пароль свободы и один из главных - что

тоже очень вероятно - итогов перестройки? Казалось бы, еще более категоричными должны быть соответствующие выводы относительно постсоветского человека и итогов постсоветской реформации?!

Это, как нам представляется, не так. Пока идут вялые и неконструктивные споры о наличии и, особенно, месте идеи, ценности, образов и представлений об успехе в архетипе отечественного менталитета и в его современных проявлениях, стихийный запрос на *идею* успеха дает о себе знать весьма настойчиво и "свято место" пустым не оказалось. И вот, в тех редких случаях, когда *идея* успеха все же рассматривается как основа жизненного выбора, она, во-первых, чаще всего отождествляется с *моделью удачи*, во-вторых, сосредоточена больше всего на узко понимаемом феномене предпринимательства и, в-третьих, фигурирует скорее как рациональная технология и праксиология, но менее всего - как специфическая *моральная философия* гражданского общества и правового государства, и потому может оказаться чуть ли не альтернативой духовным началам этого общества.

Да, вследствие своей стихийности и из-за отсутствия адекватных философско-этических предложений, запрос на идею успеха нередко трансформируется в коллективистскую устремленность к различным версиям социального утопизма, в люмпенизированный миф об успехе как беспроектной ставке в жизненной рулетке. Миф, которого не чураются и другие слои общества. Прежде всего те, что называются "новыми русскими" - не только в бизнесе, но и в политике. Госпожа Удача! - весьма распространенная модель успеха и для "антилюмпенов" - части современной элиты. И не *вместе*, а *вместо* Господина Успеха. А если все же Господин Успех, то не только не *вместе* с этикой, но прямо *вместо* этики!

Аморализм мифа об успехе, в котором нет "ни грана этики", мифа, культивирующего беспринципные активистские идолы успеха очевиден. Труднее расколдовать миф, в котором идея успеха выступает в своеобразном искажении *культуры достижения* - в "*умении вертеться*". И действительно, в ответах респондентов на вопрос ВЦИОМа, задаваемый в 1988 и в 1992 годах, - "что нужно, чтобы добиться успеха в жизни?" - насколько снизилась частота ответов типа "упорно и целеустремленно работать", настолько же резко возросла частота ответов типа "уметь вертеться". Причем в комментариях социологов к этим результатам можно отметить не только привычно отрицательную окраску, идущую из советской эпохи, но и сочувственную констатацию жизненной позиции, в которой проявляется "ценностный реванш" прежде подавленной индивидуальной эффективности.

Что касается люмпенизированного мифа об успехе, сводимого к *модели удачи*, то широкую распространенность "заражения" психологией жизненной рулетки и доказывать не стоит. Не о том ли свидетельствует абсолютный триумф "плачущих богатых", телелоторей, возбуждающих жажду сорвать приз на "поле чудес", поймать "счастливый случай", не прозевать "час фортуны" и т.п.? И этот паллиатив - "удача" вместо успеха, ожидание "дара судьбы" вместо творения ее собственными усилиями и достижениями - продолжает чуть ли не культивироваться. Не забудем об этом в контексте доминирующих в обществе патерналистских ожиданий и иждивенческих настроений, подкрепляемых регулярно возникающей ситуацией вероятности смены реформаторских ориентаций на "стабилизационные".

Разумеется, "модель удачи" в этом мифе не исчерпывается простой надеждой на случай, упованием на стечение обстоятельств. Ключевые в характери-

стике ценности успеха понятия "выиграть" и "проиграть" утрачивают здесь один из своих важнейших смыслов - экзистенциальный, согласно которому "неудачники", "проигрывающие" - избегают личной ответственности, а "рожденный выигрывать" - это не тот, кто заставляет других проигрывать, но тот, кто принимает на себя ответственность за собственную жизнь, за свой успех и свою же неудачу, - он может терять почву под ногами, терпеть неудачу, но не разыгрывает из себя беспомощного, не играет в обвинения, отстаивает право на собственное решение.

"*Модель удачи*" принимает и вид конкуренции такими "достижениями", которые были иррациональными как по целям, так и по средствам. Переносимая из прежней эпохи такая деловая стратегия, вполне естественная для условий не-свободы, прямо противостоит "модели успеха", воплощенной в рациональных достижениях, предполагающей этос свободной воли, рациональный выбор, самонахождение стратегии ответственности.

Ясно, что такого рода миф совсем не случаен в контексте всех трех ипостасей патернализма (государственного, общинного, коллективистского) и социального иждивенчества, подкрепляемых маятниковым колебанием реформаторских шагов. Не случаен и вовсе не нейтрален относительно той напряженной ситуации выбора, когда сам факт первого шага свободы - *реабилитации* ценности свободы выбора - еще совсем не означает *выбора свободы* (до сих пор, кажется, остающейся "еще не осознанной необходимостью").

Общество, которое позавчера уверенно называло себя социалистическим, а еще вчера было уверено в самоназвании "перестроечное", сегодня вовлечено в ситуацию "футурошока"; столкновения со своим неопределенным, многовариантным, непредсказуемым, рискованным будущим. Неопределенность - вместо одновариантности, риск - вместо гарантированности, инициативность - вместо патернализма и пассивности. Все это характеризует атмосферу намеренного (?!) и решительного (?!) перехода от тоталитаризма/авторитаризма к гражданскому обществу и правовому государству, от планомерно-распределительной экономики - к социально ориентированному рынку, от синкретичного мира традиционных ценностей - к аксиологическому плюрализму.

Для переходного периода характерно, что на одних и тех же геополитическом, экономическом, правовом пространствах сосуществуют и почти на равных конкурируют "вчера", "сегодня" и "завтра" страны. Не "дополняют" друг друга, не дают кумулятивный эффект многосторонних синтезов, а отрицают друг друга по правилам "игры с нулевой суммой". И "футурошок" дополняется "игрошоком" - сегодняшняя наша жизнь оказывается игрой еще и в том (дополнительно к известному по Шекспиру) смысле, что в ней, как в игровом моделировании, время спрессовано, как бы "свернуто", и предстает в состоянии острого временного дефицита. А все это диффузное состояние проецируется еще и на ценностное, этико-культурное пространство-время.

Так есть ли в этом контексте потребности в *доктрине этики* успеха и возможности для ее создания?

С нашей точки зрения, ответ не просто положителен, и даже не только категоричен, но и несет в себе перевыполнение цели" - отвечает на незаданный вопрос о потенциале доктрины вполне в духе гегелевского все разумное действительно".

Амбиция преуспеть атрибутивна для человека успеха. Аtribuтивна она и для этической доктрины, предметом интереса которой является такого рода человек. Но что же представляет собой эта доктрина?

Доктрина родительного падежа

Этика успеха - что это за понятие, если сразу отклонить облегчающую форму словосочетания через союз "и", а иметь в виду только *родительный падеж*, обозначающий стремление интегрировать понятие "этика" (в данном случае - как синоним морали, а не как научной дисциплины о морали) в понятие "успех"?

Но разве не остановит попытку такой интеграции уже только самое первое воспоминание о драме нравственных исканий человечества, постоянно воспроизводящих вечный конфликт Добра и Пользы, Морального и Пруденциального, Самоценного и Эффективного?! Нельзя же предать забвению серьезные гуманистические основания настороженности перед победительными амбициями "Человека Притязательного" и "Человека Выигрывающего", нельзя не понять буквально страха перед идеологией и технологией "Борьбы за Успех?". И, наконец, не бестактно ли даже рассуждать о ценности успеха в стране, обнаружившей - вдруг - свою неуспешность и измученной непрекращающимися неудачами?!

По поводу драмы нравственных исканий остается пока - на этапе вводных рассуждений - с доверием отнестись к историческому опыту человечества, которое не просто непрерывно констатировало неразрешимость такого конфликта, но и - вряд ли случайно - столь настойчиво искало способы его решения. На этом пути предпринимались попытки выявить всечеловеческие основания морали и основания пруденциальные, отграничить "абсолюты" ("везде и всегда") - от моральных релятивов ("здесь и сейчас"), этику долга и ответственности - от этики любви, этику дружбы - от этики контракта между партнерами, этику добродетелей - от этики организаций и т.д.

ЭТИКА УСПЕХА. Что же, если отбросить союз "и", означает это словосочетание? Что слышит в нем и обыденное, и теоретическое моральное сознание, какой образ создают они в своем воображении, услышав непривычное понятие?

Какие запреты "родительный падеж" вносит в процесс широкого освоения темы *успеха* (жизненного и делового), развернутого современным гуманитарным знанием в его традиционных и эзотерических версиях, в теоретических и прикладных исследованиях, посредством учебных семинаров и консультационных практикумов, силами многообразных движений, ориентированных на самосовершенствование личности в ее жизненных исканиях, в деловой карьере?

"Как уцелеть среди акул" и "Жизнь 101", "Преуспевание с радостью" и "Рожденные выигрывать"... - в дополнение к карнегинским книгам - это новые феномены нашего духовного обихода. И это далеко не однообразный ряд. Одни из таких книг - о технологиях успеха, за другими - сильная традиция гуманистической психологии с ее особым отношением к ценности успеха. С одной стороны, эта психологическая традиция, в отличие от отечественной, говоря о человеке выигрывающем, имеет в виду не того, кто стремится побеждать любой ценой, но того, кто выше всего ставит право личности на достижение. С другой стороны, существует прямо оппозиционная тенденция в отношении ценности успеха. Так, в манифесте "О панике", принятом рядом ведущих психоаналитиков, в качестве "ценностей", выдвигаемых современными идеологиями на первый план и обнаруживающих свою "реакционную функцию", отмечена "навязчивая идея успеха и расчета".

Да, этика успеха содержит нормы запретительного характера, связанные и с праксиологическими, и с аксиологическими - вплоть до мировоззренческих аспектов морального выбора - гранями успешной деятельности. Содержит и культивирует запреты, относящиеся как к социоконтрольной функции морали в отношении к различным сторонам человеческой деятельности, так и к внутриморальным аспектам ценности успеха. Но все эти запреты ни в коей мере не затегают позитивно-стимулирующей функции этики успеха.

Характеристика этой позитивной функции предполагает ее проблематизацию, анализ и прогнозирование нравственных противоречий успешной деятельности - прежде всего для того, чтобы преодолевать (а не "запрещать") их. Поэтому эскиз предмета нашей доктрины мы и попытаемся представить в виде цикла проблемных вопросов.

* Этика успеха?

- Ориентация на нравственно-позитивную ценность успеха, подтверждаемую как общественным признанием потребности "победителя" в уважении, чести, славе, так и собственным удовлетворением притязательной личности от самореализации, ее счастьем?

- Риск в мировоззренческой сфере морального выбора, в положительной реализации внутренне противоречивого стремления к достижению - если видеть в нем как возможность превышения нормального ("среднего") уровня порядочности, так и возможность отклонения от нормы "вниз", в сторону вседозволенности и цинизма?

- Успешное преодоление опасностей и соблазнов "грязной игры" (совсем не случайно породившей стереотипное отношение к политике и бизнесу как тотальному аморализму) и достижение желаемого успеха именно вследствие "честной игры", трудной "игры по правилам" - когда сами эти правила при всей их конвенциональной специфике, укорененности в обычном праве соотносены с общечеловеческими ценностями и являются атрибутами этики гражданского общества?

- Потенциал успеха в парадигме состязательности или в парадигме кооперации - при отрицании как казарменного коллективизма, так и гипертрофированного индивидуализма?

*Этика успеха? Кто более ценен ей? Люди порядка или люди игры? Совместимы ли атрибуты "хомо люденс" и "хомо моралес"? И как уживаются в этике успеха мораль долга и консеквенциальная мораль?

*Этика успеха? Кого возносит она на пьедестал: удачливого предпринимателя или прилежного работника, политического лидера или "прожившего незаметно", бесцеремонного победителя или щепетильного в выборе средств праведника?

*Этика успеха? Кому она служит - если этика вообще кому-либо "служит"? "Новым русским"? Служит или прислуживает?!

*Этика успеха? Мыслимо ли изъять ценность успеха из всего диапазона мировоззренческих альтернатив морального выбора, составляющих в своей совокупности ценностный контекст гражданского общества: этика любви и этика долга - с их специфической артикулированностью в отношении ценности успеха, стоическое сопротивление моделям успеха, навязываемым личности социальной организацией, квиетическое уклонение от ориентации на успех (философия недеяния) и т.п.?

*Этика успеха? Помеха естественному стремлению человека или благоденственный для личности и общества контроль и самоконтроль? Может быть,

благодарность человечества заслуживают лишь достойные успеха, способные "вынести успех"?

Даже в такой эскизной форме - отражающей скорее *нравственную философию* успешной деятельности и лишь весьма приближенно представляющей *конкретизацию* ее в ценностях и нормах, в атрибутах описания *этоса* успеха - амбивалентность этики успеха представлена как сбалансированность запретов и побуждающих мотиваций, организованных вокруг ценности морального выбора. И все же особо выделим вопрос об этической безопасности идеи успеха, об ее самоограничениях. Вопрос, который ориентирует поиск ответов, во-первых, на нравственную критику (и самокритику) рационального жизненного поведения, отношения к жизни как к деловому предприятию, критику с позиций самой этики успеха и с позиций иных этических подсистем. Во-вторых, на определение пределов "внедренческой активности" идеи успеха, профилактику ее склонности к монополизму в ситуации выбора идей.

Заявляемая в дискуссии о будущем России *этическая* идея успеха сама должна быть и этически *безопасна*. Особенно это важно в контексте ее соотношения с такой наиболее востребованной ценностью в ситуации переходного периода, как *выживание*. Мало того, что драма отечества заключается в доминировании хорошо освоенной "культуры" выживания над культурой нормальной жизни (и, тем более, над культурой успеха). Но, различая в предельно форсированном виде стратегию выживания и стратегию успеха, возвышая ценность последней, как бы не совершить очередное насилие над настоящим и будущим, не утратить человечность, упрекая, а то и обвиняя тех конкретных людей и те конкретные сообщества и сословия, которые сегодня действительно не могут думать ни о чем, кроме как об элементарном выживании. Идея успеха в ее этическом измерении не может позволить себе нравоучительной позы, унижения и оскорбления "инакомыслящих".

Выделим вопрос "*кому служит?*". Разве такая формулировка не имеет права на существование? - Имеет. Но при надклассовом видении общества этика успеха выполняет роль моральной философии наиболее динамичных групп и слоев современного общества, групп и сообществ, отличающихся новыми картинками жизненных миров, "групп развития", воплощающих в себе дух времени, эпицентры развития всего социума и т.п. Именно этика успеха революционизирует социальные структуры и отношения, "обслуживая" не "новых русских", если под этим выражением понимать лишь известную часть предпринимательского и чиновничьего сословий, а новых в культурологическом смысле, т.е. - "молодых русских".

Наша доктрина рассматривает идею успеха не столько как идею политическую и социальную, сколько как идею *моральную* (в той мере, в какой их вообще можно отделить друг от друга). Очевидно, что основной способ связи такой идеи с практикой - моралистический (но не морализаторский), когда этическая идея успеха проблематизируется и культивируется как одна из новых альтернатив морального выбора.

В то же время это идея *этико-прикладного* характера. Она касается тех ценностей и норм, которые *конкретизируют* моральные абсолюты, развивают их в различных сферах делового и жизненного успеха. В такой ситуации у моральной идеи формируется дополнительная практическая сила. Так, благодаря *профессиональному* статусу Дела выбор Человека Дела весьма жестко обу-

словлен ценностью успеха. Служение Делу неотделимо от ориентации на Успех.

Структура предмета: программа-максимум

Доктрина этики успеха включает в себя комплекс теорий, посвященных различным сферам успешной деятельности человека: политической, предпринимательской, педагогической, менеджерской и т.д., а также собственно жизненного успеха человека. Структурный инвариант *предмета* нашей доктрины представим здесь в виде программы (это скорее программа-максимум, на которую ориентирована деятельность "зримого" и "незримого" колледжа Центра прикладной этики), в системном тематизме которой конкретизированы очерченные выше проблемы.

МЕТАФИЗИКА УСПЕХА. В таком ключе этика успеха рассматривается, во-первых, через характеристику современной цивилизации как *цивилизации достижений*, т.е. через выявление места ценностных ориентаций на жизненный успех и успех деловой, анализ роли конкурентных, соревновательных и кооперативных начал в обществе развития и риска, где потребность в достижении рассматривается как нравственная ценность.

Метафизика делового успеха - в такой конкретизации общей темы проблематизируется специфика служения Делу и ответственности перед ним. Дело погружается в контекст агональных культур, актуализируется библейская и вообще религиозная традиция. Особое внимание - месту Дела в духовном контексте модернизационного процесса.

Вместе с тем Дело неразрывно связано с генезисом профессии, с профессиональным Призванием и Успехом на этом поприще, так как из этой лакуны прежде всего и вырастает этика делового успеха.

Этический подход к теме метафизики успеха невозможен и без понимания места *жизненного успеха* в системе ценностей, в самореализации личности, ее духовном возвышении ("карьера духа" и общественное богатство).

Самостоятельное место в исследовательской программе нашей доктрины занимает анализ того обстоятельства, что в современной цивилизации, наряду с доминирующей ориентацией на успех, получил распространение (в рамках различных форм социальной критики) *феномен дезангажмента* в отношении делового и жизненного успеха. Альтернативные успеху стремления мотивируются засильем духа торгашества в бизнесе, цинизма - в политике, карьеризма - в управлении, авторитаризма - в педагогической деятельности, общей дегуманизацией межличностных отношений, манией потребительства и т.д. Уклонение от успеха становится ценностью в контркультуре, где успех вытесняют как установка на социальную пассивность и выключение из социально одобряемых действий, так и ориентация на жизненную "философию безнадежной решимости". Особый интерес представляет российская версия этики недеяния. Речь здесь должна идти, например, о "магии русской хандры" - своеобразном успехе в невидимой деятельности души.

ЭТИКА ДЕЛОВОГО УСПЕХА. Наиболее выразительно этика делового успеха проявляется в нормах и ценностях политической морали, в этике хозяйственной деятельности (предпринимательская мораль, трудовая мораль и т.д.), в профессиональной этике и в этике управления, в нормативно-ценностном комплексе социально-педагогической деятельности.

Концепты этики *политического успеха* дифференцируются в зависимости от интерпретации смысла успеха в различных политических культурах. В цен-

тре этического содержания политического Дела - принятие моральной ответственности. Не сводя политическую этику к проблемам "честной игры" - "грязной игры", важно исследовать весь спектр соотношения этики и праксиологии успешной борьбы в политике, блеск и нищету политического успеха и политического поражения (от великого до смешного и здесь всего один шаг). Самостоятельными сюжетами являются кредо и кодекс власти; феномен политической совести, символы успеха лидера и его команды; политическая карьера; политика как предпринимательство, политические игры (в позитивном и негативном смыслах этого словосочетания) и т.п.

Дух свободного предпринимательства и выбор этой деятельности как призвания - ключевые темы *этики предпринимательского успеха*. Ее отдельной строкой в программном анонсе не может не стать тема мотивации в свете формальных и неформальных критериев успеха. "Вопрос вопросов": можно ли преуспеть, соблюдая "правила честной игры", как на цивилизованном рынке, так и на "диком" рынке? Объектом этики успеха являются добродетели успешного предпринимательства - доверие, честность, репутация, верность обязательствам, социальная ответственность и др. Невозможно обойти и проблему этического реформаторства, а также и связанного с ним морального риска, который выбирают для себя современные пассионарии рынка, - вместе с ними рискует и общество. Этика предпринимательства органически связана с трудовой моралью, а также с некоторыми видами профессиональной этики через общность мотивации, систем оценок, образов успешности и т.п.

Самая очевидная проблема этики успеха в сфере *управленческой деятельности* и в социально-организационном менеджменте - карьерный успех. В тени не должны остаться позитивная мотивация карьер, различия между этосом менеджериализма и "техно-бюрократическими добродетелями". Особого внимания заслуживает вопрос об этических "разрешениях" и "запрещениях" в сфере профессионального управления людьми. Очевидно, что управленческий консалтинг должен "встретиться" с консалтингом этическим: удастся ли им достичь нераздельности?

Не просто сделать столь же очевидным предметом этического подхода деловой успех в *социально-педагогической практике*. Но без ориентации на успех со стороны всех субъектов педагогического процесса может ли общество рассчитывать на то, чтобы войти в "цивилизацию достижений"? Действительно ли "новое поколение выбирает успех"? А если и выбирает, то каков нравственный ориентир такого выбора? Казалось бы, что уж в педагогической сфере нет проблемы "честной игры". Однако задача создания ситуаций успеха в процессе социально-педагогического проектирования "обречена" стать предметом этической заботы со стороны гражданского общества: нельзя и представить себе этический подход, который не культивирует контрольные механизмы со стороны общественного мнения над всеми формами достигательной деятельности.

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭТИКИ УСПЕХА. Возможно ли исследование российской модели этики успеха вырвать из общецивилизационного - исторического и современного - контекста? Этот вполне риторический вопрос относится как к классическим и неклассическим идеализированным этикам успеха, так и к локальным (национальным и региональным), а также и к универсальным этосам.

В центре этого раздела программы нашей доктрины - парадигмальная смена этических доктрин на протяжении двух последних столетий, секуляристское

и религиозное оправдание материального успеха через концепцию Служения. Наряду с западными образцами этики успеха (протестантская этика, "американская мечта"), предстоит исследовать и модели незападного происхождения. Проблема - диалог этических культур, соотнесение культуроцентризма в формировании различных образцов успеха с универсальным субъектом морального выбора в гражданском обществе. Особое значение имеет внутренняя динамика этики делового успеха в связи со становлением постиндустриальной, информационной, глобальной цивилизации.

Современная *отечественная этика* делового успеха наследует дооктябрьскую и советскую традиции. Исключительно важно понять нарождавшиеся в дореволюционной России модели успеха и его этики, например, философию хозяйствования в контексте различных этно-конфессиональных культур.

Мало изучены и противоречивые ориентации на Дело в границах советской истории: с одной стороны, они связаны с культом пассивной исполнительности, с другой - с активистскими идолами успеха. Но это только полярные позиции, не исчерпывающие всего континуума. Среди важнейших тем поиска - идеология коллективного успеха и место индивидуалистических моделей в патерналистски ориентированном обществе. Многого мы не знаем о "науке успеха" в административно-командной системе. О мифологии бесчисленных починов, о морализаторском кретинизме официальной идеологии успеха, о нравственных коллизиях "бескорыстных преступников", о конфликтах "нового освоения" и т.п.

Разумеется, современная отечественная история - центр внимания доктрины этики успеха. Действительно ли "новое поколение выбирает успех"? И если - да, то каков этический смысл такого выбора? Способны ли сегодняшние и завтрашние триумфаторы вынести бремя генов советской модели успеха? И более трудный вопрос - о пределах проницаемости общецивилизационной ценности успеха в современный российский менталитет в обстоятельствах мифологизации рынка, доминирования посреднического капитала над производительным, неразвитости политической культуры.

Особая проблема - процесс культивирования ценности успеха. Здесь интересны и причины популярности карнегинства, и аргументы сторон в полемике по поводу тезиса о том, что "православию не годится протестантский капитализм", и проявления "деидеологизации" Дела в программах современных "школ успеха", и многообразие сценариев постперестроечных установок и критериев успеха.

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ. Выход регионов на авансцену политической жизни России влечет за собой повышенный интерес к готовности региональных элит "поднять знамя" идеи делового успеха и его этики с тем, чтобы процесс становления гражданского общества в стране развивался бы "снизу". Отсюда и тема возрастания исторической ответственности региональных элит, ибо существует возможность неадекватной реакции творческого меньшинства на исторический вызов.

Здесь возникают остросюжетные темы открытости и закрытости региональных элит, балансового или конфронтационного взаимодействия между ними. Еще более усложняется взаимодействие региональных элит с федеральными.

Не может не прозвучать и особый сюжет невластвующих, культурных элит - от их активности зависит успешность процесса превращения административных территорий в самобытные Регионы, региональная идентификация.

ПРАВИЛА ЧЕСТНОЙ ИГРЫ. В этой теме естественным образом "собираются" как этико-философские, так и этико-праксиологические вопросы - от харак-

теристики Человека успешного как Homo ludens до технологии переговорного процесса.

Игровая природа успешной деятельности - тема эвристическая и одновременно весьма прагматическая, если говорить об учебно-консультационной работе. Субъекты инициативные, предприимчивые, рисковые, обретающие ничем не заменимую радость в погоне за "Госпожой Удачей" и в стремлении к достижению, черпающие наслаждение от игры шансов как в борьбе, так и в сотрудничестве, в счастье победы и в мужестве восприятия поражения, достойные успеха и способные выдержать его, счастливые в напряжении жизненной игры, осознающие свои способности востребованными ими самими же избранной Судьбой, личным Призванием - герои этой темы.

Тема "правил игры" далеко не так технологична и не так конвенциональна, как это нередко кажется. "Правила честной игры" - отражение фундаментальных условий культуры достижения. В этике делового (как и жизненного) успеха правила честной игры не просто "профилактируют", казалось бы, неизбежное зло предпринимательского, политического, управленческого, педагогического дела, но, прежде всего, мотивируют самую ориентацию на успех как нравственное служение. Отдельного внимания заслуживают темы венчурной культуры, конкуренции и партнерства, этики лидерства и этики команды.

Уже на старте проекта мы инициировали самостоятельные темы, которые сегодня "скрыты", "растворены" в панорамном анонсе. Это, например, темы "Дух корпорации", "Апология успешного профессионализма", "Новое поколение выбирает успех?" (с далеко не случайным знаком вопрошания). Очевидно, что статус программы - программа-максимум - не даст очерченной выше структуре предмета "застыть" и канонизироваться.

Лекция вторая
ЭТИКА УСПЕХА: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Приносит ли мышление об этике больше этики в мир?
А.Швейцер. Культура и этика.

В этой лекции нам предстоит обнаружить место *этики (морали)* успеха в истории развития всей нормативно-ценностной системы общества.

На пути к цивилизации достижений

Этика успеха - такой же символ современной цивилизации, как, скажем, мировоззренческий плюрализм и демократические институты, полеты в космос или глобальное телевидение. Цивилизацию эту вполне заслуженно и, пожалуй, точно именуют *достижительной*, что было бы совершенно немыслимо без полного или частичного принятия в ней ценностей и норм этики успеха.

В традиционных социумах довлела ориентация на прирожденный, а не на обретаемый в результате достижений статус. Это, естественно, не исключало состязательности в поведении. Напомним, что еще историк Я.Буркхардт в XIX веке называл древнего грека человеком агональным, то есть соревновательным. Но, *во-первых*, центр тяжести этой соревновательности помещался не в производительной, экономической, а в социетальной сфере. При этом воздействие извне - прежде всего в форме традиции - определяло стратегии не индивидуальной, а групповой жизнедеятельности, т.е. эти стратегии не выбирались индивидом самостоятельно. Собственно экономика еще не отделилась от социетальной структуры, не обрела независимости от нее и была, условно говоря, "экономикой пропитания", но не "экономикой развития" (по выражению американского социолога К.Поланьи), а потому очень слабо нуждалась в достижительной ориентации как мотивации развития. У этики успеха еще просто не было своего объекта.

В традиционных социумах, *во-вторых*, успех был *самодостовой* ценностью, жестко не связанной с утилитарными соображениями и измерениями. Полезность могла обнаружиться в результате действий, но ее могло и вовсе не быть (так были мотивированы участники греческих олимпиад, рыцарских турниров, крестовых походов, состязаний риториков, трубадуров и т.д.).

В-третьих, если где приоритеты успешности и обнаруживались, то во внесистемных секторах традиционных социумов. Например, в сфере торгового капитала, где зачастую действовали этнические или конфессиональные "чужаки", которые, приспособившись к малоподвижному, рутинному окружению, были вынуждены культивировать достижительную мотивацию. Их поведение нередко оправдывалось циничными рассуждениями и потому ориентация просто на успех не побуждалась и не ориентировалась именно ценностями этики успеха. В известном смысле ценности успеха и мораль лишь слегка "касались" друг друга; связка между ними в лучшем случае шла через союз "и" - здесь прекрасно обходились без родительного падежа к слову "успех" в такой связке. Скорее падеж был винительно-обвинительным: человек успеха обязан был каяться, замаливать свой грех устремленности к достижениям, к пользе. К слову сказать, в православной ментальности такое отношение ощущалось с особой силой и не покрывалось филантропией.

Правда, и собственно морали как таковой, в полном значении этого понятия, еще не было. Она только-только начинала свой путь сепарирования от обычая-

ев, мозаичных нравов, локальных традиций (в каждом монастыре "свой устав"), длительный путь восхождения к самой себе, путь выделения из синкретического ценностного универсума. Хотя, слов нет, отдельные структуры морали складывались и накапливались чуть ли не на предтрадиционных ступенях духовного развития человечества.

В "верхах" общества практиковались кастовые кодексы великодушия и щедрости (всякий "кодекс", а слово это по-латыни означает "книга", которая сменила "свиток", является важным шагом в сторону утверждения рационалистических взглядов на мир), но вовсе не расчетливости и хозяйственной эффективности. В официальной ценностной идеологии на троне прочно восседал принцип любви в его христианской интерпретации, хотя он и очень слабо коррелировал с реальными нравами. Преобладали поведенческие нормы и правила сословного и общинного солидаризма, которые в значительно большей степени соответствовали реальным нравам и которые тем не менее не следует постфактум как-то идеализировать в духе "почвенничества".

Приход достигательной цивилизации

Ситуация начинает коренным образом меняться на исходе традиционных социумов и при становлении индустриально-урбанистической цивилизации - в "большом" социуме, в макром мире гражданского общества. Люди попадают в него, когда добровольно или же вынужденно катапультируются за пределы своих чуть ли не чувственно воспринимаемых микромиров общин, самодостаточных малых групп, локальных общностей, из которых состояли традиционные социумы.

Этот процесс протекал и в России, но ввиду "скомканности" (по выражению известного культуролога Г.Померанца) общественного развития, этот процесс шел с незавершенностью начатого (причины этого требуют отдельного рассмотрения), с постоянными откатами и возвратами на предшествующие стадии развития ценностного мира. Процесс не был завершен, преодолен, изжит, он, так сказать, загонялся в общественное подсознание, в архаические слои сознания, в состояние предморальности. И это состояние продолжало существовать и тогда, когда во всю шло формирование зрелой моральности с рациональным выбором самостоятельной линии поведения и образа жизни, с отделением внешнего и внутреннего законодательства, с развитым механизмом самоконтроля. Все это препятствовало синтезированию разнородных компонентов морального сознания и приводило, как известно, к ситуации социокультурного раскола, к драматизму противостояния данных компонентов (нравов города, слободы и сельских общин, дворянства и буржуазии, просвещенных и непросвещенных групп населения и т.д.).

Между тем в новой цивилизации значительная часть поведенческой аксиоматики ("так надо!"), правил установлений, обычаев и даже сакрализованных заветов, которые столь прочно цементировали традиционный социум, придавая человеческим добродетелям очевидный характер, начинают - в новых-бескрайних-социальных пространствах, в радикально изменившихся сетях человеческих отношений - утрачивать свою обязывающую силу. Эти отношения уже складываются между участниками углубляющегося разделения труда и обмена результатами специализированной деятельности; именно на таких обменных процессах расширяющейся специализации и формах сотрудничества и зиждется "открытое" общество, присущая ему дисциплина.

Не надо обладать каким-то особым образом натренированным социологи-

ческим чутьем или утонченным воображением, чтобы представить себе, сколь неуместными выглядят на рыночной площади и на политическом поприще, тем более в конфликтных отношениях, требования типа "возлюби ближнего своего, как самого себя" или же знаменитое "золотое правило нравственности". То же относится и к упомянутым выше кодексам великодушия и щедрости, с презрением отвергающим договорные, а не "органические" отношения, так называемую "моральную бухгалтерию" - расчетливость и "крохоборческое" правило эквивалентности воздаяния.

В "открытом" обществе нет единых целей, подобно тому, как это имеет место в локальных общностях и общинах с их ориентацией на Дом, а не на Мир. Но чтобы усилия людей оказались каким-то образом "склеенными", скоординированными и только потому эффективными, люди вынуждены соблюдать некие универсальные и абстрактные правила рыночного и политического поведения. Мы предложили называть эти нормы и правила "нетрадиционной", "неестественной", *рациональной моралью*, занятой, по саркастическому выражению Ф.Ницше, "объестествливанием" моральных ценностей.

Заметим, что автором было не просто преодолеть искушение рассматривать в дальнейшем характеристики "рациональная мораль" и "этика (мораль) успеха" как синонимичные. И действительно, если рациональная мораль атрибутивна достижительной цивилизации, если мораль успеха - сердцевина, нерв рациональной морали, их отождествление было понятным. Однако, с нашей точки зрения, в этом случае может возникнуть больше чем неточность.

Дело в том, что, как нам еще предстоит доказать всей серией книг, профессиональная мораль, трудовая этика и этики различных видов специализированной деятельности не могут быть сведены к нормативно-ценностному комплексу, в котором доминирует ориентация на успех. Человек, хорошо исполняющий свою работу, профессионал, овладевший мастерством в сфере своей деятельности, тот и другой, следующие при этом требованиям своей морали, - не обязательно является "человеком успеха". Добросовестный, эффективный, ответственный работник еще не обладает признаками "человека успеха", если у него нет развитой достижительной мотивации, воли к успеху, готовности рисковать в предпринимаемом деле - с одной стороны, если он не воспринимается таковым в своем собственном сознании и в общественном мнении - с другой.

Мы полагаем, что такого рода уточнение будет более конструктивным как для изложения собственно доктрины этики успеха, так и для ее взаимодействия с иными этическими доктринами, если вместо понятия "мораль успеха" мобилизовать понятие *"этос успеха"*. Основанием для такого рода мобилизации является представление об этосе не просто как о единстве моральных норм и моральных практик, но как о такого рода единстве в нравственной жизни продвинутой части общества, "творческого меньшинства" - вспомним здесь характеристику того, чьи интересы выражает, кому служит этика успеха через интересы *"творческого меньшинства"* в морали.

Естественность "неестественной" морали

Претенциозно было бы думать, будто эти правила и нормы кем-то сконструированы, упорядочены в соответствии с какими-то научными процедурами, являются результатом удачного экспериментирования с ценностями, кем-то отлиты по заранее выверенным моделям. Выразимся парадоксально: "неестественная" мораль является *естественным* продуктом длительной культурной эволюции. Именно она и отбирает все, что наилучшим образом приспособлено

к этой эволюции, к ее непред. сказуемым (а лишь предугадываемым) зигзагам, петляющим ходам и поворотам. Вместе с тем обеспечение функционирования рыночных, политических, воспитательных, научных и иных институтов требует и намеренного создания и культивирования правил и норм рациональной морали, этики успеха.

Следуя таким нормам, индивиды могут все в большей степени служить удовлетворению потребностей незнакомых им лично людей, расширяя тем самым границы человеческого сотрудничества, обеспечивая некоторое единство в сообществе, реализуя присущее ему свойство самоорганизации и самоуправления. Принципы и нормы взаимной выручки, солидарного и бескорыстного поведения, тем более - товарищества и братства, столь понятные в "малом" социуме, весьма справедливо кажутся - за небольшими исключениями - рискованными и, пожалуй, даже излишними в агональных, конкурентно-соревновательных отношениях между людьми. То же происходит с моральной доктриной приоритета благополучия общности, общины, коммуны над благом отдельного человека, его семьи.

Так или иначе, но рынок, политические институты, профессиональная деятельность просто не могут нормально функционировать, не будь у них мощной поддержки в виде норм и ценностей рациональной морали с ее универсальными правилами, обязательными для всякого, кто вступил на публичную площадь, независимо от того, оказалось это выгодно ему лично или же почему-то не оказалось. Данная мораль как раз и позволяет утвердиться такому порядку, который способен прогрессировать на основе спонтанного и добровольного сотрудничества, соблюдая при этом строгие правила честной игры (политической, хозяйственной, социально-педагогической и т.п.).

Рациональную мораль и ее сердцевину - этику успеха ("успех", подчеркнем еще раз, наконец, обретает здесь не винительный, а родительный падеж относительно "этики") нельзя трактовать в качестве "гуманистического намордника", надетого на своекорыстный разум и волю. Напротив, ее следует считать живым способом преодоления оторванности автономного разума от гуманности и справедливости. Это - сам себя контролирующий разум, уберегающий себя от сползания в голую рассудочность, способный соотносить свои и чужие интересы, и вместе с тем он является гарантом от произвола нравственных чувств. Очень предусмотрительно поступил Ф.Хайек, поместив рациональную мораль на нейтральной полосе между разумом и инстинктом.

Нет достаточных оснований предполагать, будто ценности дорациональной морали при всем этом каким-то образом девальвируются: ведь альтруизм, товарищескую солидарность, коллективную взаимопомощь с полным на то правом - пусть и несколько высокопарно - именуют "Абсолютами" морали. Именно они "очеловечивают" социум, социальные связи людей, особенно тогда, когда усиливается их формализация, не допускают превращения человеческих отношений в джунгли, где безраздельно правят бал произвол, право сильного, свинцовые инстинкты, аффекты без сдерживающих начал. "Абсолюты" остаются навигационными огнями в ценностном мире, непререкаемыми ориентирами человеческих помыслов и поступков в масштабах малых групп, общин, приходов, в традиционных секторах "открытого" общества. И за этими границами они остаются "фаворитами" морали, но применяются там более сдержанно, так сказать взвешенно и избирательно. Особый случай - экстраординарные ситуации, когда данные ценности смещаются от периферии к центру нравственной жизни и вновь являют всю свою мощь и духовную красоту.

В макромире, на рыночной площади, политическом поприще, в профессиональной деятельности люди выступают не только как подданные или производители, но как граждане, которые действуют, определяя свои жизненные стратегии вполне самостоятельно. Они сориентированы на жизненный и деловой успех. При этом "репертуар" их выбора определяется не столько высокой степенью слитности с группами общинного или средневеково-корпоративного типа, сколько широтой их гражданского кругозора и собственной неповторимостью. Их мораль уже не выражает духа беззаветной любви к ближнему и коллективистской сплоченности, но она - суть *этика ответственности*. Она требует не доброжелания и симпатий, а беспристрастности и уважения между агентами гражданского общества. Не столько мотивы поступка и характер намерений, сколько позитивные результаты - таков критерий добра и зла с точки зрения этой этики: ибо "всякому воздастся по делам его!". Такая этика является консеквенциональной. Но поскольку, ориентируясь на успех, человек как бы "обречен" приносить благо другим, пусть даже не испытывая расположения к ним, а лишь являя почтение по отношению к долгу, к правилам, то что, спрашивается, может помешать нам называть его мотивы верности нормам рациональной морали и уважения к людям, образно говоря, "бескорыстным достижительством" или еще лучше - "*безадресным альтруизмом*"?

Самокритика этики успеха

Рациональная мораль с ее этикой успеха включает в себе и потенциалы саморазвития - таково одно из ее существенных преимуществ. В недрах этой морали выращиваются инвективы против варваризированного рынка, политики в духе нравов "дикого поля", рыночных и политических стихий в том их виде, в каком они предстают вне и до насыщения ценностями культуры и этики. Рациональная мораль обеспечивает эффективность работы рыночной экономики, своеобразного политического рынка, огромных организаций профессионалов любой направленности и делает это вовсе не путем их идеализации, апологетических восхвалений, а за счет суровой, систематической, нелюбезной моральной критики. Именно такая - моралистическая - критика, сколь не третирует бы ее "чистая" наука, якобы освободившаяся от ценностей, - приводит в движение "человеческий фактор" рынка, политики, организаций. Моральная критика содействует достижению хрупкого, но все же равновесия пользы и добра, рационального и чувственного в самой морали, утилитарного и бескорыстного путем обуздания сумеречных страстей - неумемной жажды скорого и несправедливого обогащения, бесконтрольной власти, которые вместе способны дать ужасающий синергетический эффект.

Такая критика позволяет снизить силу кризисных факторов, погасить влияние губительных для цивилизации тенденций, предложить средства от засилья морального релятивизма и догматизма, от чрезмерной приверженности к социокультурным основаниям рыночной, политической и профессионализированной деятельности, от убавкивающей мифологии в общем-то вполне жизненных концептов Призвания, связанного со служением Делу, с хорошо просматриваемой ориентацией на успех. Но, впрочем, сделать все это она способна только частично, до определенных пределов, так как негативные тенденции в нравственной жизни, феномены морального отчуждения возникают не только тогда, когда нарушаются нормы рациональной морали, но и тогда, когда большинство агентов общественной жизни худо-бедно следуют предписаниям этой морали.

того необходимо повысить [1].

Среди мотивов создания праксиологической теории ее основоположник Тадеуш Котарбиньский выделяет осознание им парадокса, обнаруживаемого при сопоставлении двух обстоятельств. С одной стороны, человечество как "многоголовый homo faber" вероятно, уже совершило все возможные наблюдения в "области эффективности различных способов активного поведения" и потому современному теоретику остается лишь перерабатывать, систематизировать, уточнять и разъяснять общие правила. С другой стороны, трудно найти причину отсутствия особой исследовательской дисциплины, которая имела своим предметом "изучение возможностей достижения наиболее эффективной деятельности". Отсюда далеко не риторический вопрос автора: "Не является ли своеобразным парадоксом, что homo faber не решился создать грамматику действия, хотя бы по примеру человека как существа говорящего?" [1, с.27].

В понятийном аппарате праксиологии выделяется блок понятий, не содержащих никаких оценок, даже чисто технических, с точки зрения целесообразности. К понятиям, необходимым для того, чтобы "разобраться в сущности действия и в разнообразии действий вне зависимости от их ценности" относятся, например, понятия субъекта, виновника, материала, средства, цели, производства, изделия. Ко второму - оценочному - блоку относятся, например, понятия экономичности, производительности, точности выполнения, правильности применяемых способов и т.п.

Тема нашего спецкурса требует концентрации внимания на тех аспектах "теории хорошей работы", которые связаны с *праксиологическими оценками*. Исследуя практические достоинства действия, точнее - "праксиологические достоинства (недостатки) действий, приписываемые им с точки зрения их исправности", выявляя, что определяет меньшую или большую исправность, что имеется в виду при оценке действующих субъектов как таковых с точки зрения исправности их действия, Т.Котарбиньский полагает, что прежде всего необходимо выявить: было ли действие успешным?

Отметим сразу же вполне понятную нам возможность скептической реакции читателя (слушателя): "тема успеха здесь выведена за рамки столь важного мировоззренческого подхода?!" Однако, во-первых, не будем торопиться с этим выводом. Во-вторых, даже если и так, то и такой подход к феномену успеха предстоит исследовать и освоить, чтобы полнее представить источники нашей доктрины.

Итак, для праксиологии *успешным* считается действие, которое "ведет к следствию, задуманному в качестве цели". Если чье-либо поведение оценивается как успешное, а также неуспешное или безразличное, то применение этих характеристик ограничивается лишь применением к чьим-либо целям. А так как "успешность действий с точки зрения достижения цели это не что иное, как целесообразность действий", понятия успешности и целесообразности в рамках праксиологии можно считать взаимозаменяемыми.

Не позволяя себе увлечься характеристикой соответствующей внутрипраксиологической тематики (например, такими понятиями как точность, старательность, чистота продукта, умелость, надежность, осторожность и смелость и т.п.), сразу же обратим внимание на моральную саморефлексию праксиологических поисков.

Прежде всего, такая рефлексия не только не чужда, но, фактически, атрибутивна праксиологии. Это может удивить. Ведь если все "семейство" праксиологических понятий, включая базовое - "эффективная деятельность" в их обы-

денных значениях, *как кажется*, достаточно хорошо известно, так как оно обладает завидным свойством самоочевидности, во всяком случае - при первом приближении, то как раз моральные смыслы этих понятий таким спасительным свойством не обладают. Более того. Они кажутся совершенно чуждыми праксиологическому измерению. Напомним то, с чего начался весь разговор об этике успеха: об упорном отторжении родительного падежа при соединении понятий "этика" и "успех". Они как будто заимствованы из совершенно несопоставимых языков. Тем не менее моральная самореклеиваемость в праксиологии налицо.

Выделим в этом отношении два направления. Первое из них может показаться парадоксальным, ибо характеризуется поиском праксиологического содержания, предпринятым Т.Котарбиньским в ...моралистике. "Моралисты рекомендуют нам избегать несчастья и сохранять чистую совесть. Обычно они рассматривают эти вопросы совместно с проблемами эффективного действия, поскольку последние необходимы им для освещения путей добродетели и доказательств безысходности морального падения", - отмечает автор [1, с.24].

Такого рода смешанный характер он выделяет в произведениях баснописцев Федра, Лафонтена, Крылова и др. И если, например, "Волк и журавль" - скорее рассказ о неблагодарных, которые злом платят за добро, то основной мыслью басни о медвежьей услуге является не просто порицание дурных чувств и склонностей, но - в образной форме - критика плохой работы. Соответствующая сентенция по Т.Котарбиньскому звучит так: "нецелесообразным является всякое действие, устраняющее препятствие на пути к данной цели таким способом, что сама эта цель также оказывается уничтоженной" [1, с.24]. Вывод автора из анализа множества предостережений и поучений, содержащихся в басенной литературе, заключается в том, что постулаты нравственные здесь переплетены с рекомендациями, предметом которых является или целесообразность, или нецелесообразность.

Не только в баснях, но и на реальных "факультетах" жизненного успеха говорят языком, в котором сплетены моральные и праксиологические понятия. Стать "хозяином судьбы", "счастливый исход", "надежда на лучшее", "кузнец своего несчастья", "желание преуспеть", "пиррова победа", "кому улыбается Госпожа Удача", "не терять голову от успеха", "счастливые неудачники", "поймать шанс", "шанс - гармония неожиданно благоприятного события и личной инициативы", "меланхолия упущенных возможностей"... Из разных речевых практик, из работ разных авторов собрали мы эти слова и выражения, чтобы подтвердить действенность праксиологии.

Но, может быть, сами рекомендации праксиологического толка, пусть и включенные в содержание моралистики, абсолютно нейтральны в этическом отношении? Весьма определенный ответ на этот вполне оправданный вопрос дает анализ исследования (и культивирования) праксиологией этических аспектов "техники борьбы".

Намеренно обострим постановку вопроса с помощью комментария к "науке успеха" (речь там, конечно, о политическом успехе, но мы позволим себе в этом вводном курсе слегка забежать вперед) Н.Макиавелли, который содержится в историко-философских очерках Б.Рассела. По мнению автора очерка о макиавеллизме, если существует такого рода наука, то "ее можно изучать на примере успехов порочных людей не хуже, чем на примере успехов людей добродетельных, - даже лучше, ибо примеры добивающихся успехов грешников более многочисленны, чем примеры добивающихся успехов святых". Одна-

ко, подчеркивает Рассел, такая наука "пойдет на пользу святому точно так же, как и грешнику, ибо святой, если он вступает на поприще политики, точно так же как и грешник, должен ждать достижения успеха" [2, с.529].

Мы не можем сейчас вторгаться в сложнейшую проблему соотношения целей и средств, особенно в ту ее грань, которая связана с допустимостью зла во имя добра [3]. Но все же необходимо сразу отметить, что Б.Рассел весьма убедительно реабилитирует именно *праксиологические* идеи Макиавелли, традиционно отождествляемые (и обыденным, и теоретическим сознанием) с его *личной моральной позицией* и с его *моральными* рекомендациями. В действительности, говорит Рассел, Макиавелли занимал вполне определенную оценочную позицию относительно "выведенных" им норм политической целесообразности. Аналогичную работу относительно этического содержания "макиавеллизма" проделал и Л.Колаковский.

Т.Котарбинский сам идет навстречу острой проблеме этики борьбы. Вообще *борьба* для праксиолога - любое действие с участием по меньшей мере двух субъектов, где хотя бы один из субъектов препятствует другому. Праксиолога при этом интересует только *исправность техники борьбы*. Другие же ее стороны значат лишь косвенно - в той мере, в какой от них зависит усиление или ослабление *исправности*.

Однако из этого не следует, что праксиолог сам может рекомендовать любые из обоснованных практикой приемов техники борьбы. Автор подчеркивает: "то, что хорошо с праксиологической точки зрения, может быть достойным осуждения с точки зрения, например, добросовестности". Но знание и этих приемов полезно - хотя бы для воспрепятствования тому, кто прибегает к этим приемам "с целью застигнуть нас врасплох и одержать победу" [1, с.207].

Конечно, это лишь необходимый, но далеко не достаточный вывод по поводу этики борьбы. Праксиология исследует и обобщает, например, рекомендации заботиться о свободе движения для себя и сковывании свободы противника, использовать в своих целях функции и резервы противника, обеспечить превосходство своих сил в решающем месте и в решающее время и т.п., уделяя особое внимание соотношению двух начал - взаимодействия и борьбы, позитивной и негативной кооперации ("мы позволим себе высказать предположение, что людям лучше бы жилось на свете, если бы во всякого рода борьбе они больше считались с тем, что в ней есть ценного для обеих борющихся сторон...") и т.п. В то же время праксиология не забывает, что тот, кто обучает искусству борьбы вообще, пусть и косвенно, но становится соучастником возможного применения этого искусства. И действительно, "имея дело с темой борьбы, трудно не затронуть каким-либо образом сердце, совесть, даже в том случае, если понятие борьбы взято во всей его общности и рассматриваются в основном только технические условия "исправности" [1, с.226].

Более того, занимаясь казалось бы нейтральной - технической - стороной борьбы, праксиолог не позволяет себе "умыть руки", ибо техника борьбы, как и любая техника, может применяться как с пользой для людей, так и во зло им. В то же время праксиология полагает, что "всеобщая польза от честного сознательного применения ее техники значительно больше, чем вред, который принесут результаты употребления этой техники нечестными людьми" [1, с. 226].

Своеобразной социопсихологической версией праксиологии представляется нам "наука успеха" Дейла Карнеги и его последователей.

На наш взгляд, самый минимум иронии содержится в заявлении С.Паркинсона о собственной книге: "сделав эту книгу настольной, вы неминуемо преуспеете. Впервые за многие тысячелетия человеческой цивилизации успех стал достижимым для всех" [4, с.65]. А разве не на той же позиции стоит Д.Карнеги? Вряд ли для подтверждения риторической природы этого вопроса надо цитировать его работы - они распространены предельно широко и потому избавляют нас от обзора, аналогичного книге Т.Котарбиньского. Другое дело, как этот автор и его читатели воспринимают и трактуют *этическое содержание* этой версии "науки успеха".

Наиболее распространенное восприятие книг Д. Карнеги в современном отечественном массовом сознании связано с тем, что это - всего лишь сборники "чисто" праксиологических правил, рецептов, рекомендаций. Поэтому, видимо, редко кого останавливает, например, открыто манипуляционный акцент названия одной из книг: "Как *завоевать* друзей...?" [5].

Внимательный читатель увидит в работах Дейла Карнеги прекрасную праксиологическую моралистику. Возможно даже кто-то извлечет из специального анализа и вывод о том, что эти работы содержат элементы этической праксиологии. Во всяком случае, попытки придания праксиологическим изысканиям Д.Карнеги морального значения налицо. Они предпринимаются, например, авторами предисловий к переводу этих книг на русский язык. Так, в издании, выпущенном в серии "Этика" обществом "Знание", предлагается трактовка советов Карнеги, согласно которой "они помогают повторить общение как цепную реакцию взаимных добрых намерений, когда вместо фехтовальных выпадов в ход идут улыбка, искренняя заинтересованность и расположение" [6, с.8]. Или, например, считая работы Д.Карнеги набором правил достижения успеха в жизни, авторы предисловия к изданию его книги в "Прогрессе" подчеркивают, что это правила *человековедения*, что понятие правил в гуманитарном знании претендует на статус, который имеет понятие закона в естествознании. "Ценность такого перечня правил не только в том, что некоторые из них можно заимствовать и взять в свой арсенал, но и в том, что он вдохновляет на поиски собственных вариантов, поскольку достаточно явно предстает как принципиально открытый для добавлений, уточнений и исправлений" [7, с.10].

И все же такого рода попытки интерпретации правил успеха в работах Д.Карнеги слишком одиноки, чтобы избавить нас от опасений за судьбы сети отечественных школ успеха". А судьбы этих школ для нашего исследования более важны, чем судьба работ самого Карнеги: как всегда, прививка "цивилизованной розы" к "российскому дичку" оказывается делом весьма рискованным, и прежде всего - с точки зрения моральных последствий.

Пока наиболее гуманитарный раздел задач и программ этих "школ" связан лишь с чисто психологическим подходом. Например, мотивируя открытие в газете "Успех" рубрики "Школа успеха", ее авторы такими темами раскрывают предложения своей науки читателям: "1. Каков он, успешный человек? 2. Как определить зоны своего успеха? 3. Мои психофизиологические резервы?... " [8, с. 5].

Мы закрыли цитату, ибо все равно во всем перечне нам так и не удалось обнаружить моральную проблематику. Да и как бы она в этом случае сочеталась со следующим программным заявлением руководителя школы: "Наука... начинает возвращаться к изучению проблем успеха с целью помочь людям в выборе рациональных путей достижения желанных целей. Она разрабатывает принципы и методы адекватной реализации человеком своих интеллектуально-

психологических возможностей в соответствии с требованиями той деятельности, которую человек выбирает или которая ему предначертана "судьбой". И признаком, по которому можно оценить вклад науки в разработку путей достижения успеха, является «маленькое слово "как?"». Как учиться, как учить, как изобретать, как считать и т.д. и т.п. Эти бытовые вопросы и есть исходный пункт научных разработок, предназначенных для раскрытия условий, путей, методов, средств достижения успеха" [8, с. 4].

А вот аналогичный случай: автор книги о риске в перечне ключевых аспектов своей темы перечисляет "правовой", "психологический", "экономический", "социологический", забывая (?) аспект "моральный" [9, с. 3].

У нас есть соображение в пользу презумпции доверия цитированным авторам. Возможно, их уклонение от этических аспектов "успехологии" - это своеобразная "деидеологизация" темы, ее намеренная прагматизация после многих лет обязательного "возвышения" любых проблем до уровня критериев коммунистической морали?

Очевидно, что закон успеха в книге Паркинсона, трактуемый через "умение жить", для еще недавно доминирующей отечественной идеологии звучит скорее как "антизакон", ибо загружен негативными для коммунистической морали смыслами. Ведь мы еще только начинаем привыкать, что для морали гражданского общества раскавыченные слова - умение жить - избавляются от казавшейся обязательной трактовки в духе сугубо циничной, откровенно эгоистической стратегии жизненного успеха и связываются прежде всего с мерой овладения человеком "искусством жизни" [10]. Привыкаем, но с трудом.

Еще не так давно рубрика "Литературной газеты" с характерным названием "Успех в жизни - подлинный и мнимый" (N N 25, 29, 30, 34 и т.д. за 1981 г. и N N 5, 10, 14 и т.д. за 1982г.) с большим трудом пыталась бороться за моральную реабилитацию понятия "успех". Так, например, предметом полемики оказался скорее вопрос-дилемма о соотношении личных и общественных интересов, а прагматическая составляющая проблемы акцентировалась лишь вокруг нравственных достоинств людей непрактичных, обреченно проигрывающих в борьбе со злом, лишенных предприимчивости и т.п. Иначе говоря, вопрос "как?" в его отношении к успеху если и ставился, то, скорее, в отношении к судьбе людей, проигравших в борьбе.

Разумеется, и этот ход вполне праксиологичен. Так, А.Гельман проанализировал нравственное содержание поведения людей после поражения, которые "обращают поражение в опыт, в новую энергию, в бойцовскую мудрость. Они становятся еще более последовательными и несгибаемыми противниками лжи и несправедливости, корыстолюбия и невежества" [11, с. 12].

Примерно в то же время образцовой считалась такая своеобразная критическая позиция в отношении зарубежной "науки успеха", что ее стоит процитировать. "В Соединенных Штатах Америки издана книга под названием, кажется, "Сто путей к успеху". Не берусь судить о достоинствах и недостатках ее советов - книги той не читал, - но сам факт, что путей так много, свидетельствует о явной ненадежности, маловероятности, исключительности каждого из них. А у нас путь всегда один, зато очень верный: с достоинством шагать по жизни, чувствуя пульс времени, откликаясь на заботы страны, много и честно трудиться - и несомненно придет успех", - писал А.Салуцкий в книге с характерным названием "Уметь жить!" [12, с.33].

И еще один пример прежде всего идеологического отношения к проблеме успеха. "Конечно же, стремление к успеху само по себе вовсе не является пре-

досудительным. На протяжении веков человечество стремилось к успеху: освоить природу, облегчить свой труд, обеспечить благоприятное существование своим потомкам. Но концепция успеха в буржуазной морали характеризуется тем, что она ориентирует людей на самообогащение в ущерб другим. Человек, не достигший успеха, - неудачник, а значит, человек "второго сорта". Таким образом, буржуазная "этика успеха" основывается на концепции индивидуализма, враждебной духу коллективизма" [13, с. 41].

Еще раз: разумеется, были в тех давних дискуссиях и точные постановки проблемы, и собственно праксиологические решения [14]. И все же допускаемая нами презумпция доверия уклоняющимся от этической проблематики достижительству "школам успеха" имеет предел эффективности. И в самом лучшем случае, когда такие программы выполняют роль *необходимого* элемента развития культуры современного человека, его освобождения от пут догматического морализирования, они не вправе уклоняться от признания того, что роль эта отнюдь не является *достаточной*, не могут избежать развития вопроса "как достичь успеха?" до уровня вопроса "ради чего надлежит стремиться к успеху?", включающего и проблему гуманизации способов его достижения. И потому противостояние (осознанное или ненамеренное) морализаторским клише, идейно-нравственным шаблонам, извращающим заботу об умении жить, может обернуться - в лучшем случае - моральной нейтрализацией проблемы успеха со всеми противоречиями развития праксиологии без этики, когда вопрос об умении жить не доводится до сократического вопроса об *умении жить достойно*.

Еще раз подчеркнем: задача нашего критического пассажа (вероятно, не очень уместного в этом обзорном параграфе) заключается не в простом противопоставлении ценностей морали и логики успеха, не в уничтожении от имени первого - смысложизненного - измерения достоинства второго - пользы и, конечно, не в нейтрализации успеха во имя спасения его от морализаторских искажений. И если Д.Карнеги и авторы подобных работ дают нам прекрасные сборники праксиологических правил успешной жизни и деятельности, наша задача - активация моральной рефлексии по поводу смысла этих правил, причем рефлексии, частично извлекаемой из скрытого от отечественного читателя этического подтекста этих книг. Но об этом - дальше.

Культурология успеха

Значительный интерес в этом направлении исследований ценности успеха представляет книга Ричарда Хубера "Американская идея успеха", выдержавшая два издания [15]. Разумеется, это не монография по дескриптивной этике или моральной этнографии, но она пронизана этическими подходами (наиболее этически значимые главы этой книги мы опубликовали с разрешения издательства в нескольких выпусках Вестника "Этика успеха", некоторые из них обстоятельно проанализированы в следующем параграфе), широко использует ценностный язык, предлагает репрезентативный материал. В книге анализируется огромный массив американской литературы об идее успеха: эссеистика всех видов, религиозные проповеди, автобиографии людей, добившихся успеха, биографии типа нашей прославленной серии "Жизнь замечательных людей" (хотя "замечательный" еще не всегда означает "успешный"). Речь в книге идет об американской, а не какой-то иной идее успеха. Однако, эта идея достаточно разработана, чтобы отыскать в ней контуры инварианта теории успеха.

Аналитический обзор работы Р.Хубера сконцентрируем сейчас на двух клю-

чевых для нашего спецкурса темах: "Деньги - Статус - Слава" [17] и "Амбивалентность успеха".

"Освоение" первой из них начнем с констатации мысли, давно утратившей свежесть, но не истинность: в достижительной цивилизации техногенного типа деловой и жизненный успех отождествляются со стяжанием личностью богатства, главным образом в его денежной форме или в соответствующих эквивалентах. Чаще всего - это обретение политической власти, могущества или высокой оплаты труда, престижа или славы в результате бюрократической, политической, религиозной, военной, артистической, спортивной или иной некоммерческой карьеры.

Пожалуй, нигде, кроме как в Америке, подобное отождествление не приобрело столь очевидного и даже гротескного характера. Там возник настоящий культ успеха и человеку гораздо проще установить, чего он достиг, чем выявить, кем он является. Такое кажется наивным и излишне прямолинейным, с точки зрения, допустим, европейца, но успех за океаном означает ни много, ни мало как просто умение "делать деньги", и постоянно озабоченный этим человек обязан обратить их затем в статус, аккумулировать в престиже, популярности, на что тоже требуются особые умения по части эффективного использования денег, мастерства их инвестирования в систему культурной символики.

В этом случае, как подчеркивает Р.Хубер, успех неумолимо объективен и даже безличностен. Он регистрирует изменения на шкале статусных рангов общества посредством неравномерного распределения благ всякого рода, включая и культурные блага. Успех оказывается целью жизни и обретает самостоятельное место, в ряду других жизненных ценностей, то есть сам по себе, даже независимо от того, что он дает или способен дать человеку, достигшему успеха, независимо от результата, от наград.

Успех означает при этом не просто состояние "быть богатым" или же быть "знаменитым" (предположим, если получить все это по наследству или в качестве щедрого дара, для чего лучше подходят понятия "везение", "удача", нежели "успех"), а именно самому добиться и того, и другого, собственными усилиями взобраться на верхние ступени лестницы социального продвижения (взлететь с помощью "стратификационного лифта").

При этом нельзя ограничиться просто констатацией восхождения по ступеням богатства, карьеры, известности. Успех обязательно должен быть признан другими, обрести сертификат общественного одобрения. В том числе в масштабах локальных пространств организаций (корпораций, учреждений, служб) или рассеянных профессиональных сообществ, одобрение со стороны которых не всегда имеет широкий резонанс в общественном мнении и тем более не всегда располагает скоординированной денежной формой выражения. Не меньшую роль может играть трудноисчисляемое вознаграждение уважением, профессиональным признанием у коллег и потребителей профессионализированных услуг (авторитет юриста, врача, ученого, инженера, менеджера и т.п.), что укрепляет достоинство личности, усиливает чувство самоуважения.

В необычайно сложной, запутанной социальной структуре современного общества, в высокопрофессионализированной среде неизбежно образуется столь же сложная, плюралистическая система признаний и вознаграждений. И в ней нелегко разобраться человеку "со стороны" - трудно адекватно оценить уровень признания успехов того или иного профессионала и "человека организации". В профессиональной деятельности вообще оказались глубоко рельефными различия между экономическими и внеэкономическими аспектами

рациональности, между рациональными и иррациональными фактами детерминации деятельности и ее оценки (эти различия были специально рассмотрены Т.Парсонсом на примере медицины).

При всей объективности успеха, измеряемого по подвижной шкале разнокачественных критериев достижения, он вместе с тем и *относителен*. Более того - даже *субъективен*. Относителен потому, что определяется через механизм социального сравнения с другими лицами, добивающимися успеха (конкурентами, соперниками, претендентами, соискателями и просто друзьями, знакомыми и соседями). Этот незримый, но чрезвычайно существенный механизм действует через постоянное сопоставление рангов и институций, которые предоставляют такой ранг (одни из них более престижны и значимы, другие - менее), через сравнение публичного признания на разных поприщах достижения (включая, между прочим, и сферу потребления, как это показал Т.Веблен).

Что касается субъективности, то в успехе всегда пульсирует сильно выраженное субъективное начало, некий порыв в самооценках достигнутого и в сопутствующих образах. Успех определенным образом вписывается в биографические лоции жизненного пути личности, используется "только для себя" в системе самооценок, притязаний, самоидентификаций, что придает всей проблематике экзистенциальный характер. Конечно, в отличие от переживания состояния счастья, которое решающим образом зависит от самооценки и усвоенных притязаний, успех в гораздо меньшей степени зависит от уровня самооценок и высоты притязаний, так как он одновременно предполагает общественное признание достижений. Тем не менее зависимость успеха от его переживания весьма существенна. Кстати, и как фактор дополнительного шанса на достижение успеха. От самооценок во многом зависят и способы балансировки делового, профессионального и жизненного успеха.

Очевидно, что такие субъективные представления, оценки и самооценки во многом определяются общим социокультурным контекстом. Он просто не может не подталкивать личность, да и целые группы и организации, к достижению положительных и социально значимых результатов деятельности. При этом социокультурная среда может влиять на достигательную деятельность либо вяло, временами даже негативно, либо энергично, провокативно, сопровождать ее знаками престижа, перемещениями рангового характера, определяя ценности успеха поближе к эпицентру аксиологической Вселенной или же смещая их куда-то на ее периферию.

Эта среда способна влиять на достигательную ориентацию инерциально или артикулированно, требовать либо мультипликации каких-то однажды обретенных положительных результатов (как это практикуется в традиционных социумах, где даже инновации обязаны обретать видимость укорененной традиции, чтобы можно было рассчитывать на их принятие), либо побуждая на рискованный поиск все новых и новых достижений (известно, что никакие размеры достижений не могут иметь предельных значений: состояние, имущество, слава, престиж, популярность, признание способны расти *ad infinitum*), выводя на новые рубежи человеческую деятельность, вдохновляемую фаустовским сознанием. Но среда же может создавать контрапункты данной ориентации, творя культуру "антиуспешности", подозревая все выдающееся, все ведущее к взлетам и успехам в желании унижить тех, у кого нет взлетов, прорывов к успехам, одобряя их раздражение против всего выдающегося.

Среда сама основательно дифференцирована, и поэтому тоже ее влияние

не может быть однозначным. В область притяжения к социально значимым успехам человек обычно попадает лишь покинув первичные группы, где он проходил социализацию. Но он всегда остается под контролем групповых ожиданий. Среда способна множить образы успеха, оснащать его модели особенно призывными символами и формулами, высказывая почтительное внимание к нюансам и орнаментам моделей успеха, привлекая повышенный интерес к, условно говоря, инфрауспешности и ультрауспешности, то есть побуждая интерес как к мелочам "искусства успешности", так и к образам головокружительного успеха. И обязательно вписывая все грани успешности в этнонациональную ментальность.

По этой части нет равных Америке. Культура этой страны многими исследователями прямо характеризуется через ориентированность на личный успех, на оптимистическое мировидение, рациональное обоснование жизненных предпочтений. Как подчеркивает Р.Хубер, "американцы с самого момента зарождения нации были уверены в том, что Бог хочет от них, чтобы они были преуспевающими. Именно огонь ценностей, освещавший успех личности, раздвигавшей заданные природой и средой рамки, вел человека к успеху. Это можно сказать о любом обществе, но в американском - зарабатывание средств к жизни было самым важным способом деятельности. И это было достойным занятием не само по себе, а потому, что было окружено системой ценностей, придававших этому занятию особую значимость. Люди работают упорно за тот или иной вид вознаграждения. Но они гораздо более амбициозны, когда работа, как таковая, несет в себе высшую ценность. Ирония заключается в том, что духовные ценности контролируют материальные. А не материальное порождает духовное" [16, с.117].

И данное обстоятельство свидетельствует о "монументальном парадоксе" американской жизни. Как мы полагаем, речь в этом случае идет о напряженном противоречии между *социокультурным*, коллективно-массовым пониманием делового успеха в материальных терминах (богатство, транспонированное в статус, в известность), измеряемого по совокупности некоторых вполне исчисляемых и демонстрируемых критериев, и *личностным* пониманием *жизненного успеха* в духовных терминах, выраженного с помощью не всегда поддающихся замерам и зрительскому предъявлению субъективных критериев, таких как душевный покой, самоотдача, служение людям и т.п.

Следует отметить, что данный парадокс несет на себе отражение исторической динамики. Как писал Макс Лернер, "американцы обожают "разговоры о деньгах", но они начали отдавать себе отчет в том, что "туда с собой ничего не унесешь" и что есть вещи, которые "за деньги не купишь". Лернер обращает внимание на то, что успех стал сочетаться с ценностью уверенности, что склонность к риску стала убывать и что с новой силой обнаруживается стремление избежать риска и обеспечить надежность своего положения: речь идет не только об экономических гарантиях, но и о психическом синдроме уверенности в целом. Многие стали весьма осторожно относиться к суровой конкурентной борьбе и традиционному стремлению преуспеть [18].

Возвращаясь к характеристике феномена *амбивалентности* успеха в книге Р.Хубера, напомним, что уже в анализе роли праксиологических исследований успешной деятельности мы зафиксировали некоторые инвариантные внутренние и внешние конфликты достижительной деятельности. Хубер же отмечает как парадокс американских ценностей следующее обстоятельство: индивидуально американцы думают, что успех должен быть определен в нематери-

альных терминах, но коллективно, как общество, американцы измеряют успех материалистическими критериями. Потому-то американцы среднего класса и утверждают, что существуют два вида успеха. С *культурологическим* определением успеха, которое ранжирует людей по материальному критерию, все в порядке..., за исключением ошибочного определения того, какой вид успеха является *summum bonum* в жизни. А такое благо нельзя измерять деньгами - это *личностное* определение успеха, и его часто называют "истинным успехом" [16, с.117-118].

Автор ссылается при этом на Роберта Грэйвза, который приближался к определению такого истинного успеха иронизируя: "Если в поэзии нет денег, то неужели есть поэзия в деньгах?". С такой точки зрения поэзия человеческой жизни - не в вещах "так называемого успеха". Истинный успех внутри человека - в душевном покое и счастье. Когда же такой успех вне человека, то он происходит от самоотдачи, а не от своекорыстия. "Он отмечается не теми ценностями, которые мы накопили в своем поместье, а теми добрыми поступками, которые мы делали ранее", - пишет Р.Хубер [16, с.118].

Итак, по мнению автора, два определения успеха - "*культурологическое*" и "*личностное*" - выражают амбивалентность чувств американцев по поводу жизненных целей. И такая амбивалентность скорее необходимость: разве могло бы функционировать американское общество, если бы его граждан ничто не побуждало придерживаться противоречивых чувств по поводу успеха. "Может ли кто-нибудь выжить в обществе, продвигаемом вперед такой вызывающей тревогу ценностью без удобной безопасности амбивалентных позиций? Жизнь с иллюзиями может быть нестерпима, но жизнь без иллюзий невыносима" [16, с.124].

Примечательно отношение автора к возможности разрешения дилемм идеи успеха. Он понимает, что они не могут быть разрешены в манере легендарного решения царя Соломона разделить ребенка между двумя претендентками. Неприемлемо для него и ригористическое отношение к самому факту существования дилемм. Да, люди с авторитарным складом мышления всегда считают дилеммы нетерпимыми. Но ведь дилеммы обязаны своим существованием именно самому наличию выбора в свободном обществе.

"Успех - это не убежище, а путешествие, со своими собственными правилами для духа. Игра жизни в том, чтобы стать победителем, добиться успеха или достичь того, что мы наметили сделать. Однако всегда существует опасность потерпеть неудачу в самореализации. Урок, который большинство из нас никогда не извлекает из этого путешествия, но и никогда не может совсем забыть, состоит в том, что победить иногда означает проиграть," - пишет Р.Хубер [16].

Мы еще вернемся к этой книге в следующем параграфе Вводного курса.

Психология успеха и неуспеха

В психологических исследованиях ценности успеха мы выделяем здесь, во-первых, проблему моделей успеха в эволюции цивилизации и, во-вторых, проблему мотивации достижения или уклонения от успеха.

Для современного отечественного исследователя А.Г.Асмолова ключевой вопрос идеи успеха связан с двумя типами ответов. "Мне крайне важны глубинные, методологические основания идеи успеха - не гомеостаз ли это или же это то, о чем говорят и И.Пригожин, и Н.Моисеев, а именно - включение в неравновесный мир развития", - подчеркивает автор [19, с.9].

А.Г.Асмолов полагает, что идея успеха должна рассматриваться не как ко-

нечная, финалистская, а как идея, связанная с парадигмой неравновесия, с парадигмой поиска эволюцией иных путей развития. Кстати, если видеть идею успеха в парадигме необщих путей развития в культуре, с этой идеи сразу же снимается налет конфронтационности - "я говорю вслед за Кропоткиным: не является ли идея успеха таким же, как альтруизм, взаимопомощь, могучим фактором эволюции?". Положительно отвечая на свой вопрос, автор говорит: "да, вполне вероятно, что механизм антагонизма действует в истории, но как важно понять, что находили свои пути к успеху и различные симбиотические группы. Как интересно то, что уже на уровне эволюции мы встречаемся с уникальными явлениями симбиоза, поддержки, чтобы двигаться к иным целям в развитии. И высота общества определяется тем, насколько в нем широко представлено разнообразие" [19, с.10].

Переходя собственно к психологической характеристике идеи успеха, А.Г.Асмолов отмечает, что успех - это "лакмусовая бумажка *ценности целей*" [19, с. 10], независимо от масштаба субъекта - будь то цели той или иной личности или, если мы говорим о групповой динамике, целей той или иной социальной группы в культуре.

Опираясь на психологическую концепцию переживания как особой деятельности, А.Г.Асмолов отмечает удивительную боязнь думать об успехе негедонистически, о деятельности переживания успеха - не как о разъединяющей, а как объединяющей. "Мы удивительно не понимаем, что успех и идеал - это понятия очень родственные, что ценностная логика успеха, как, если угодно, прожектора для высвечивания идеалов, крайне важна" [19, с.10-11].

Продолжая эскизную характеристику психологических граней идеи успеха, автор констатирует: если проанализировать практикуемые сегодня в нашей стране модели успеха, то обнаруживается необходимость для нас самих осознать, что "мы - страна, влюбленная в кризис, страна, влюбленная в неудачи", и потому на таком фоне разворачиваются все события. Вспоминая Шолом-Алейхема: "Мне хорошо - я сирота", А.Г.Асмолов отмечает, что, например, в современной социальной политике мы повторяем эту же самую фразу. В результате "социальная политика России сегодня - это прямое бегство от ценности успеха", - утверждает автор.

С идеей успеха тесно связано понятие "лидер". В поисках современной модели успеха нельзя не отбросить прежние модели лидерства - уже потому, что с их точки зрения "победителей не судят". А "настоящая психология имеет общую систему кровообращения с этикой" и потому в ней "победителей судят".

Уделяя особое внимание "общей системе кровообращения" психологии и этики, автор утверждает, что ситуация неопределенности полагает логику успеха как логику признания за каждым иных путей развития, а это значит "пожать руку идее вариативной эволюции". Главное в ней - через успех поддерживать вариации. Либо идти по пути селективного отбора - и тогда свести все к формуле "выживают выжившие", либо понять, что для каждого найдутся варианты развития. И тогда задача заключается не в том, чтобы "отбирать" только сильных, способных победить и поддерживать только лишь их, но, как японские педагоги, подсказывать молодым: успех не в том, чтобы сегодня обыграть того, кто бежит рядом по дороге, а в том, чтобы сегодня быть *успешнее самого себя вчерашнего* [19, с.13].

Если молодежь не будет воспринимать конкуренцию как главную модель успеха, тогда можно рассчитывать на развитие солидаристической культуры, на переход от "культуры полезности, где преобладает логика конечной цели, от

финалистской культуры - обезличенной культуры, в которой всегда есть финал, к культуре, где в спектакле нет финала, и это прекрасно, к культуре, где нет логики выживания, где главная логика - Жить" [19, с.13].

Еще и еще раз подчеркивает А.Г.Асмолов, что страна, "влюбленная в кризис", в распад или же в мнимые идеи стабильности, всегда слепая. "Пока страна не имеет модели проживания успеха и поиска успеха в культуре достоинства, она может много натворить". Успех, с точки зрения автора, "роднится с идеей инновации в контексте поиска". Если же пойти другим путем - принять "модель влюбленности в неудачу", тогда уже доминируют не инновации, а аврал и мобилизация. В этом случае неизбежно, как показывает любая логика изучения стрессов, истощение. "И можно прогнозировать для российской культуры летальный исход" [19, с. 13-14].

Далее наш обзор сосредоточит внимание на работах ряда зарубежных психологов, посвященных таким темам, как успех и стратегия деятельности; успех - кооперация - конкуренция; карьерная мобильность; успех и удовлетворенность.

В работах зарубежных авторов, наряду с исследованиями способности человека ставить жизненные цели, зависимости полноты самоосуществления от этой его способности (Ш.Бюллер), антигомеостатической идеей самоактуализации как результата осуществления смысла (В.Франкл) и т.п. [20], в два последних десятилетия на приоритетное место вышла проблема *мотивации достижения*. Исследователи выделили синдром "*потребность в достижениях*".

В классическом труде Дж.Аткинсона "Введение в теорию мотивации" различают стремление к достижению успеха и стремление избежать неудачи. И то и другое стремление характеризуется им, во-первых, с точки зрения определенной силы, зависящей от интенсивности стремления к успеху, степени опасения неудачи; во-вторых, с точки зрения вероятности успеха и неудачи, которая зависит от степени подготовленности индивида и указывает на трудность достижения поставленной цели; в-третьих, с точки зрения ценности и привлекательности успеха и неудачи - чем больше вероятность успеха или чем легче задача, тем менее ценен успех и, наоборот, с уменьшением шансов на успех растет его привлекательность [21]. На основе этой теории современные исследователи предлагают строить прогнозы поведения индивида с определенной силой того или иного стремления в выборе задач с различным уровнем риска [22, с. 352-353].

Для последних десятилетий характерно обсуждение двух гипотез, каждая из которых объединяла значительное число авторов экспериментальных исследований. Первая из них заключалась в утверждении тезиса о том, что в обществе существует *страх успеха*. Предпринимались даже попытки измерить такой страх, сконструировать шкалу его измерения. Согласно другой гипотезе, не существует мотивировки избегания успеха, тем более его страха, а суть дела заключается в избрании той или иной стратегии деятельности - или соревновательной, или кооперационной. Мотивировка избегания успеха скорее всего покоится на стремлении избежать соревновательности, конкуренции. Иначе говоря, есть лишь мотивировка избегания соревновательности, а не страх успеха [23].

Из сказанного выше можно сделать вывод о существенных сдвигах в современной общественной психологии (мы еще возвратимся к проблеме объяснений таких сдвигов). Четче всего, на наш взгляд, это выразил А.Кон в книге с

характерным названием "Как достичь успеха, даже не соперничая" [24]. В этой работе, кроме всего прочего, содержится мысль о том, что сейчас успеха эффективнее добиваться объединенными усилиями. Следует ли из этого, что необходимо признать конец классических - индивидуалистических - типов успеха, покажет время.

Особенно данный поворот дает о себе знать во внутриорганизационных и в межорганизационных отношениях. Как показал Д.Тьесвольд [25], при кооперационной зависимости люди полагают, что их цели позитивно связаны. Они осознают, что их успех - совместный, в их интересах помогать друг другу и целесообразно избегать конфликтов. Если же люди объединены соревновательными целями, то они развивают иную динамику поведения. Они считают, что их цели негативно связаны: достижение цели одним из них препятствует достижению целей другими. Их индивидуальный успех несопоставим, они и не пытаются оказать друг другу помощь, избежать конфликтов или предотвратить их эскалацию. При несвязанности успехов минимизируется взаимодействие друг с другом.

Не покушаясь на саму природу конкуренции в современной цивилизации, исследователи показывают, что группы, организации, работники которых утверждают и преследуют кооперационные цели, имеют куда больше доверия друг к другу, склонны к постоянному взаимобмену информацией, ресурсами, работают эффективнее и продуктивнее и всегда открыто определяют платформу будущего сотрудничества. Напротив, взаимодействие между людьми с соревновательными целями характеризуется подозрительностью, низкими взаимобменами, слабым "духом организации". Из всех наблюдений и исследований явствует следующий вывод: независимые цели влияют больше на взаимодействие между группами, организациями, тогда как взаимозависимые цели - на взаимодействие внутри групп. Очень важно, чтобы люди разных групп осознавали бы кооперационность своих целей до того, как они начнут успешно сотрудничать.

В работах по антропологии успеха, пытающихся синтезировать данные социологии и психологии, выделяются темы объективного и субъективного бытия успеха. На материале классической для западной науки проблемы карьеры менеджера, конкретнее - менеджеристского успеха и удовлетворенности от работы, ставятся такие вопросы, как "что вообще означает успех в карьере?", "что есть объективная сторона этого успеха?", "что есть его субъективный критерий?".

Мобильность индивида именуют "успешной", если осуществляется его трансфер по вертикальной плоскости. Однако в исследованиях при этом чаще всего опускаются вопросы удовлетворенности от успеха. Но именно эти два полюса составляют целостную проблему, одну из граней которой схватывает название книги А. Кормана "Успех карьеры и личная неудача".

Карьера может быть оценена с экстернальной и интернальной перспективы. Первая означает объективный путь карьеры индивида в описаниях представителей референтной группы, и тогда его успех интерпретируется в категориях дохода, мобильности, престижа [26]. Однако не раз отмечалось, что, например, многие преуспевающие менеджеры крайне не удовлетворены своей карьерой. Более того, не чувствуют ни успеха, ни гордости за свои достижения. Именно они и вырабатывают свой собственный ракурс - интернальную перспективу успеха, а поэтому часто сами себя видят неудачниками. Это - тематика субъективных аспектов успеха и удовлетворенности.

Согласно одной из версий [27], индивид получает большее удовлетворение от своей карьеры, если новая позиция дает ему больше в плане социального престижа, дохода и власти в сравнении с другими позициями. Практически во всех современных исследованиях, как зарубежных, так и отечественных, фиксируется, что менеджеры всегда в оценках своей удовлетворенности от карьеры опираются именно на эти факторы.

Из анализа исследований идеи успеха в антропологическом ключе следуют два важных вывода. Первый - разработка концепции успеха, а тем более - этики успеха, должна обязательно предполагать наличие классических и неоклассических типов успеха. Важно при этом отличать *успех-идеологему* и *успех-ценность*, разница между которыми вполне уловима: первый является как бы развитием, субпродуктом идеологии любого общественного порядка, второй происходит из системы господствующих ценностей. Временами они могут совпадать, временами - расходиться. Не менее важно учитывать наличие двух психологических типов успеха - того, что кажется, считается и по каким-то социально признанным критериям действительно является успехом, и того, что переживается как успех. Второй вывод связан с различием материальных и постматериальных (духовных) ценностей. Плюрализм культур порождает плюрализм образов успехов в рамках одной цивилизации или субцивилизации, чего раньше никогда в истории не встречалось.

Несколько тезисов в заключение. Как видно даже из краткого обзора, каждая из рассмотренных нами в качестве источника доктрины отраслей знания несет в себе попытки морального осмысления феномена успеха. Однако общим для всех них является этическая рефлексия феномена успеха скорее через союз "и", чем через "родительный падеж". Кстати, такого рода понимание моральной проблематики свойственно и другим отраслям научного знания, посвященным человеческой деятельности - вспомним тематизации вроде "экономика и мораль", "медицина и этика", "политика и мораль", "наука и нравственность" и т.п. А возможность эффекта "родительного падежа" возникает лишь вместе с возникновением специализированных отраслей или суботраслей самой этики: предпринимательской этики, медицинской этики, научной этики и т.п.

Как же реально создается "родительный падеж" - этика успеха? Прежде всего, не на пустом месте даже в рамках самой морали. Ведь уже сама рациональная ее ипостась - продукт такого своеобразного сочленения. Затем - через приложение этой рациональной версии морали к особым сферам - политика, бизнес, право, культура и т.п. Далее - приложение рациональной версии морали в ее специализированных формах к особой конфигурации системы ценностей и мотиваций - к духу человека успеха. И все это - бытие самой *морали*, ее онтология.

А доктрина родительного падежа возникает из отражения бытия морали и развития - в определенных координатах - *моральной теории*. Естественно, что эта доктрина работает на языке морали и *этической теории* (моральный выбор, моральный риск, моральная ответственность и т.п.). Но ряд категорий эта доктрина заимствует, с разной степенью адаптации и ассимиляции, из "параэтического" знания (например, цель, успех, эффективность и прочие прежде всего праксиологические категории).

Лекция четвертая
В КАКОЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ
ФЕНОМЕН УСПЕХА СТАНОВИТСЯ ПРЕДМЕТОМ
ЭТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ?

...Является ли успех "застенчивой
дамой" или "сучьей богиней"?

Это зависит от того, кто измеряет.

Несомненно, многим хотелось бы обнять
эту даму и задушить эту суку одновременно.

Некоторые критики позднее подчеркнут
в нашем исследовании именно импульс "задушить".

Нам же позвольте открыть душу
стремлению "обнять".

Р. Хубер. Американская идея успеха.

**Эффект конкретизации: этика успеха
как результат развития нравственности**

В историческом очерке развития морали (см. Лекцию вторую), по необходимости предельно сжато, мы стремились показать, что этос успеха как некая совокупность или даже система продвинутых ценностей и норм, мотивирующих и регулирующих деятельность человека успеха, представляет собой не некое искусственное образование, творение досужих умов, а *конкретизацию* общественной нравственности. При том на успех, обретаемый с помощью трудовых, профессиональных, организационных, финансовых, культурных и иных социально значимых *достижений*. Хотя очевидно, что не всякие достижения влекут за собой деловой и жизненный успех их творцов - часть из них остаются в бедности, безвестности, оказываются обездоленными и гонимыми (людские биографии удивительно причудливы, полны неожиданностей и плохо годятся на роль назидательных образцов, что стало очевидно со времен чуть ли не Плутарха).

За объективной необходимостью выбора ориентации на успех для значительной части населения (это условие функционирования динамичной индустриально-урбанистической цивилизации) отнюдь не всегда столь же отчетливо и зримо стоит необходимость какой-то особой *этики успеха*, интеграции будто бы совершенно непрактичной, даже романтически возвышенной "этики" в более чем практический, вполне трезвый и онтологичный "успех". Именно интеграции. Ибо вместо того, чтобы этика (мораль и этос) и успех, как положено воде и пламени, сторонились друг друга, в лучшем случае попеременно то дрейфуя, то отдрейфовывая от одного берега притяжения к другому, на деле необходимо, чтобы они не просто были заняты "перетягиванием каната", но образовали особый синтез, генерируя материал для него из всего "банка" (или свода) ценностных значений общества. И только тогда возникает нечто новое, неведомое в нравственной жизни общества. А отражается этот новый синтез с помощью родительного падежа в связке "этика-успех". Хотя, признаемся, по-русски это и звучит несколько непривычно. Но не только по-русски: "чистые языки" успеха и морали весьма отличны между собой и требуют отнюдь не оппортунистических (и, тем более, не циничных) усилий для их спайки, для не простого их единения.

Что же имеется в виду под понятием "*конкретизация*" в моральной сфере?

Прежде всего, это не элементарная аппликация общеморальных норм и оценок. И даже не детализация этих регуляторов. Некогда Вольтер, великий мастер по части сарказмов, уверял, что нет ничего проще, чем выучить китайский язык: достаточно соединить взятые из энциклопедии слова "Китай" и "язык". Будь все так, наша исследовательская задача оказалась бы предельно облегченной, ибо сводилась бы всего-навсего к наложению двух определений - этики (морали) и успеха - политического, предпринимательского, воспитательного, профессионального, спортивного и иного. При этом операция механического соединения оказалась бы ложно облегченной задачей: не вскрыла бы опасности поверхностного соединения таких противоречивых феноменов и не проявила бы высокого эффекта взаимообогащения, достигаемого благодаря "родительному падежу".

Под *конкретизацией* мы имеем в виду подлинное *развитие* не подлежащих денонсации и девальвации норм и ценностей общественной нравственности на основе вновь обретаемого духовно-нравственного опыта и осваиваемых социальных практик. Выделим *три ступени (или плоскости)* такой конкретизации.

Первая - воплощена в рациональной морали гражданского общества, служащей культурным фоном достижительной ориентации, о чем уже говорилось выше. Это - ступень, если угодно, "предконкретизации", вызревания ее предпосылок [28].

Вторая ступень (плоскость) конкретизации норм и ценностей нравственности в известной мере стала знакома этической науке с того времени, когда та довольно настойчиво и энергично исследовала различные виды профессиональной морали (в Европе такое изучение началось едва ли не с XVI века), всевозможные этосы (труда, науки, воспитания, военного и административного дела и др.). Анализ процессов конкретизации был опробован этикой как с точки зрения выделения "партикулярных", по определению Т.Парсонса, кодексов особых социoproфессиональных *групп*, так и с точки зрения артикуляции кодексов для специфических сфер деятельности, в которые вовлечены, наряду с профессиональными, и непрофессиональные группы и даже некоторые межгрупповые и неинституализированные *общности*, вроде электоральных групп, публики, масс (потребительских, например, ассоциаций типа общественно-политических и культурных движений). Следует добавить к сказанному, что вся современная цивилизация достижений оказалась, с одной стороны, фундаментально профессионализированной, а с другой - человек в ней мог сравнительно легко переходить от одной профессии к другой, преодолев в силу всеобщности общеобразовательной подготовки пожизненную прикованность к одному виду деятельности.

Иногда полагают, будто конкретизация норм общественной нравственности применительно к определенной деятельности заключается в обнаружении таких особенностей и таких ситуаций, в которых требуется наложить мораторий на общие моральные повеления, а задача этической мысли - не только оправдать такие отступления, но и предельно их минимизировать до единичных случаев, квалифицируя их не как нечто положительное, а как неизбежное зло.

С таким пониманием трудно согласиться. Но что же на самом деле происходит с императивами, нормами и ценностями общественной нравственности в ходе их конкретизации вообще и, прежде всего, - при конкретизации их к достижительной деятельности?

Во всяком случае, это не значит, что моление одним богам (абсолюты, всеобщие моральные требования и оценки) сменяется на истовое поклонение дру-

гим (релятивам, частным требованиям и оценочным шаблонам). Напротив, ставится и решается вопрос - повторим - о настоящем *развитии* содержания и формы морали в связи с ее применением к сферам человеческой деятельности или к каким-то видам деятельности, ориентированным на успех. Притом результаты такого развития напрямую не могут быть извлечены из всеобщих представлений по аксиоматической методологии, - в этом случае мы получим лишь "детализацию".

Развитие же предполагает, во-первых, известное преобразование, переакцентировку, а в ряде случаев - даже переосмысление содержания моральных представлений, норм, оценок, суждений, соответствующих нравственно-психологических чувств (так как всякое осуществление Абсолютов не проходит бесследно для их содержания).

Во-вторых - новые акценты в способах "сцепления" норм, ценностей, поведенческих правил между собой и со всеми другими (правовыми, административно-организационными, праксиологическими, религиозными и т.п.) требованиями и максимами, со всевластным обычаем.

В-третьих - изменение их места в конфигурации ценностей, предписаний и оценок.

Наконец, такое развитие означает и возможность возникновения новых установок, разрешений, дозволений и запретов, не имеющих применения нигде больше, кроме как в какой-то данной деятельности, максимально способствуя повышению ее эффективности и результативности.

Теперь относительно третьей ступени (плоскости) конкретизации. Она связана с разделением "Мира" и "Дома" и относится именно к "Дому". Да, рациональная мораль не вытесняет "естественную" мораль из укромных ниш частной жизни, то есть из тех сфер человеческого поведения, которые регулируются без вмешательства со стороны каких-либо публичных организаций и групп. Это - царство, главным образом, семейно-бытовой морали, этики дружбы и товарищества.

Однако рациональная мораль и в эти, казалось бы, запретные для нее, зоны умудряется привносить идеи рыночной конкуренции и ценности успешности (скорее не деловой, а общежизненной), что препятствует практике социального изоляционизма, "ускользающего" поведения, эмиграции из загрязненной и отчуждающей общественной жизни в мир частного бытия с его - по замыслу - внутренней гармонией и цельностью. Не этот ли, весьма не однозначный в моральном отношении, прорыв гипертрофировала экстравагантная идея Гэри Беккера, лауреата Нобелевской премии по экономике за 1992 год, о всеохватности экономического подхода к человеческому поведению, подчиненному принципам максимизации действий по достижению наилучших результатов, подчинения правилам "неявных" рынков [29, с. 24 - 38]?

Категорический императив успеха

Конкретизация общественной нравственности по всем трем ступеням (плоскостям) происходит, как уже говорилось, не благодаря усилиям многопрофильной кооперации ученых или в результате осуществления программ деятельности различных социальных институтов: она не артефакт, не искусственное образование, подобное, скажем, технике, а возникает в результате длительной культурной эволюции общества, в ходе становления современной техногенной цивилизации достижений. Но как естественный продукт такой эволюции эта конкретизация оказывается объектом пристального исследовательского инте-

реса.

Итак, на вопрос о том, что же это за нормы, мотивы, оценки конкретизированной к успешной деятельности общественной (и в какой-то мере частной) нравственности, ответим: в эпицентре такого мотивационно-нормативного комплекса лежит, если произвести заем в социологической лексике, генеральная норма - цель деятельности или жизненная норма-идеал, которая звучит на редкость незамысловато: *стремись к успеху и добивайся успеха!* На всех без исключения поприщах специализированной деятельности (рынок, политика, право, наука, медицина, управление и т.п.).

Но вправе ли научная этика принимать данный комплекс, такую норму, которые основываются на личном интересе, за относящиеся к *морали*? Разве требование стремиться к успеху способно быть моральной нормой? Скорее, это какая-то поведенческая максима, нежели требование, извлеченное из морального кодекса. Может быть, речь идет об универсальной норме, социальном идеале, однако включающем и моральное содержание в таком объеме, что позволяет говорить о социально-нравственном идеале или генеральной норме? Подоплека "подрывного" вопрошания такова: моральная мотивация носит "незаинтересованный" характер, а потому мотивация, продиктованная личным интересом, может быть какой угодно, но только не моральной. Отсюда заключительный аккорд критики, оберегающей чистоту своей науки: вся "этика успеха", о которой так хлопочут авторы, не больше чем чистейшей воды нонсенс.

Предлагая со своей стороны положительный ответ на вопрос об отношении нормы стремиться к успеху и добиваться его к сфере норм морали, мы исходим из следующих соображений.

Прежде всего, успех, с точки зрения его субъекта, не обязательно рассматривается только как личное достижение - он вполне может быть коллективным или корпоративным с соответствующей стратегией поведения. И с точки зрения его полезности он опять-таки может быть не только личным, но и общественным.

Далее, ориентируясь на достижения, человек успеха содействует росту общественного благосостояния, способствует - посредством такого роста - удовлетворению потребностей лично ему незнакомых людей. Помогает им, так сказать, "чувств никаких не изведав". Поэтому его мотивы, как мы уже отмечали, не без оснований называют "бескорыстным достижительством". Или, по выражению Э.Геллнера, "незаинтересованным интересом", хотя такие обозначения и режут слух пуристам от морали. Этот интерес расширяет объем взаимозависимости людей, обеспечивая "сцепление", скоординированность специализированных видов деятельности, их взаимодополнительность, способствует повышению ее эффективности.

Мотивационно-нормативный комплекс, в основе которого лежит императив достижения, в его целевой части, очевидно, не выражает духа коллективистской сплоченности (правда, в этом случае необходимо всегда помнить о типологии коллективности и тогда несовпадение установок этой морали связано только с казарменной или общинной коллективностью), но они вполне могут быть созвучны иным ее формам, вплоть до отождествления с человечеством как единым биосоциальным организмом (по гипотезе Н.Н.Моисеева) и беззаветной любви к ближнему - успех чаще всего все же достигается в конкурентной среде (которая также может быть "жесткой" и "мягкой"), а не в "хоре", по правилам традиционного действия. Впрочем, этот императив защищает и притязательную ценность уважения к Другим (партнерам, коллегам, клиентам, по-

требителям специализированного труда и услуг), чем надежно ограничивает чрезмерные претензии индивидуализма.

Но что более существенно, императив успеха - суть императив *долженствования и ответственности*. И не доброжеланий и симпатий он требует от личности, а беспристрастности и справедливости. В этом смысле мы и говорили выше, что этика успеха носит по преимуществу *консеквенциональный* характер. Моральное значение поступков она определяет не только и даже не столько по их мотивам (напомним о распространенном представлении о "бескорыстии" и любви как обязательной предпосылке моральности), сколько в зависимости от общественно значимых результатов, к которым эти поступки приводят - прямо или косвенно. При таком подходе этика успеха оказывается весьма созвучной утилитаризму, который как раз и сориентирован на достижение блага, пользы, будь то определенное психологическое состояние субъекта (так называемый "утилитаризм опыта") или же удовлетворение его желаний (так называемый "утилитаризм предпочтения").

Очевидно, что консеквенциональный подход существенным образом продвигает известную манчестерскую формулу "невидимой руки", где нормы-цели исключительно сориентированы на своекорыстный интерес, оставляя в небрежении повеления рациональной морали, так как эффективность по этой формуле достигается неведомо как, без моральных усилий.

Важнейшим условием обретения идеей успеха морального статуса является степень согласованности императива "ориентируйся на частный интерес, на личный успех" с императивами рациональной морали. В определенных как личностных, так и исторических ситуациях согласование это протекает сравнительно гладко, почти бесконфликтно, тогда как в других ситуациях вызывает глубокие расколы в сознании и даже патологию в поведении. Случается это тогда, когда, по выражению Р.Мертон, происходит деинституализация средств достижения институализированных целей (успех), когда выявляется лишь внешняя приверженность к внутренне отрицаемым ценностям и фактическое приближение к ценностям, номинально отрицаемым, что ведет к росту лицемерия, условной лжи.

Безусловное следование долгу, преданность универсальным нормам рациональной морали, императивам этики успеха имеют еще одну сторону, в которой особенно наглядно проявилась интенция рациональности данного типа морали. Обсуждая эту тему, М.Вебер, как известно, обратил внимание на "внутримирской аскетизм" - в отличие от традиционного "внемирского аскетизма", столь характерного для монашества и отшельничества. С помощью рационализации внутримирской аскетизм позволяет человеку справиться с иррациональностью мира, с его расколом на *дольный и горный* миры. Такая аскеза приводит человека к восприятию собственного активизма, столь характерного для всякой успешной деятельности, как деятельности "ради Бога" (а вовсе не ради получения профанных наград за собственные труды), как *призвания и профессионального долга* одновременно. В этом случае возможна только одна награда - этико-психологического свойства, то есть моральное удовлетворение, что с удвоенной силой толкает человека на новые и новые достижения на всех поприщах. Для такого *человека призвания* успешная деятельность выявляет свои смыслы только в одном - в бескорыстном и беззаветном служении Делу. Он относится к *творческому*, а не к *пронырливому* меньшинству. То, как конкретизируется концепция жизненного и профессионального призвания в разных видах достигательной деятельности, является предметом особого об-

суждения.

Утилитаристская парадигма - лишь момент этики успеха. Ведь результаты в известной мере зависят от случайных обстоятельств, не имеющих отношения к доброй или злой воле действующего на поприщах успеха лица. Поэтому речь идет не просто о результатах, а о таких результатах, которые возникают благодаря исполнению универсальных правил рациональной морали в ходе рыночной игры, в политической деятельности, в социальном управлении, в отношениях внутри профессиональных сообществ и т.п. Суммируются, так сказать, две "калькуляции": *полезности и бесполезной полезности*. Благодаря мотиву бескорыстной верности названным правилам - это *вторая сторона долженствования и ответственности* - мотивы поступков, вынесенные как будто за скобки моральной оценки, недолго пребывают "в изгнании" и преспокойно возвращаются в поле оценки, где им и надлежит быть. Правда, в ином облике: результативность действия соединяется с его мотивационностью.

Кроме того, должно быть принято во внимание, что люди вряд ли способны верно предвидеть все последствия своих собственных действий. Нам не дано даже знать "как наше слово отзовется", не то что наше действие. К тому же последствия могут быть амбивалентными, принося благо в одном отношении и сея зло - в другом. Действующему лицу доступен, предвидим только узкий горизонт последствий его активности, а не длинный шлейф отдаленных последствий. Тем более, когда его поступки сплетаются с нарастающим множеством поведенческих линий других людей, что меняет реальное моральное значение данных поступков иногда на прямо противоположное.

Именно потому, независимо от всего, личность обязана придерживаться того, что всецело ей подвластно ("стрела может не попасть в цель, но намерение не способно промахнуться" - гласит старинная поговорка) Исполняя норму-цель, повелевающую достигать успеха, личность обязана одновременно неукоснительно следовать универсальным правилам рациональной морали (выполняя обязательства, соблюдай правила честной игры и т.п.). Даже если исполнение требований не гарантирует достижения успеха, не утоляет желания и не приводит к психологическому состоянию удовлетворенности, на чем настаивают обе версии утилитаризма.

Как возможна добродетельность успеха: аргументы от аретологии

В этой точке рассуждений мы обнаруживаем целую гроздь новых и далеко непростых проблем методологического ранга. Добивайся успеха во всякой специализированной деятельности? Но на всех ли поприщах это возможно? Во все ли времена можно совместить генеральную норму-цель со следованием нормам-средствам ее достижения, выдвигаемым довольно суровой, подчас даже ригористической, рациональной моралью? Это - вопрос вопросов для этики успеха, и споры вызывает прежде всего базовая для любой этической доктрины *проблема добродетелей* как устойчивых положительных моральных качеств личности. Совместимы ли *человеческие добродетели*, в первую очередь четыре кардинальные добродетели (по Платону - мудрость, волевая энергия мужества, благоразумие и справедливость), к которым христианство добавило еще три - веру, надежду, любовь, - с главным *императивом этики успеха*, с этикой долга и ответственности?

На этот вопрос нам известны три взаимосвязанных ответа. Говорят, *во-первых*, что этика успеха на ранних этапах своего развития как раз и была эти-

кой добродетелей с вполне оправданным родительным падежом в качестве связки. Р.Хубер назвал ее "*этикой характера*" - средоточием добродетелей, если не всех положительных моральных качеств, то во всяком случае многих. Они и являются условием, "рычагом" достижения надежного успеха. Но затем, уже в нашем столетии, "*этика характера*" перестала быть таковой, отвернулась от добродетелей, ставших ненужными и даже обузой при достижении успеха. Так возникла - по терминологии Р.Хубера - "*этика личности*".

Полагают, *во-вторых*, что добродетели способны реализоваться не повсеместно, а лишь в некоторых благодатных для их воплощения видах деятельности, в тех социальных практиках, в которых профессиональный успех просто не может быть достигнут достаточно последовательно и полно без реализации добродетелей порядочности, честности и т.п. Речь может идти, скажем, об артелях ремесленников, группах художников, ученых, спортсменах. Иное, мол, дело - "большое", "массовое" общество, основанное на институтах рынка и представительной демократии, управляемое бюрократическими структурами корпоративного типа, где человеческая деятельность оказывается всего лишь средством достижения отчужденного от нее могущества, средством реализации целей, потусторонних по отношению к внутренним ценностям. На таких-то позициях этика и успех и оказались разлученными, а потому союз "и" восторжествовал над "родительным падежом". Более того: соединительный союз угрожал обернуться "противительным".

В-третьих, подчеркивается - в порядке продолжения предыдущего тезиса, - что добродетели обнаруживают свою действенность лишь в непосредственном общении людей, но оказываются "пятым колесом" в телеге формализованных функциональных отношений, опять-таки ставших господствующими в "большом" обществе.

Подчеркнем, что все три ответа на сакраментальный вопрос относительно соотношения добродетелей и успеха отнюдь не являются - каждый порознь и все вместе - вздорным плодом досужего воображения в духе моральной догматики, а отражают те или иные стороны вполне реальных процессов нравственной жизни современной цивилизации, ряда ее тенденций. Тем более, что ответы эти предложены и защищаются крупными учеными. Они, стало быть, содержат заветное зерно истины и должны быть не отвергнуты с порога, а осмыслены со всей тщательностью.

Начнем с *первой* позиции, концентрирующей внимание на эволюции идеи успеха. Р.Хубер, как уже было сказано, обсуждает две следующие в истории одна за другой и вместе с тем оппонирующие друг другу парадигмы этики успеха. Первая - "*этика характера*" - получила свое оформленное выражение в 30-х годах прошлого века. Успех - согласно этой парадигме - отождествляется с достижением богатства, а путь к нему предполагает выращивание личностных добродетелей в духе протестантской этики: трудолюбие, бережливость, решительность, инициативность, умеренность, пунктуальность, уверенность в своих силах, честность и т.п. Они непременно приведут к успеху в любом достойном занятии. Подход же спекулятивный, ориентирующий на быстрое обогащение, табуировался как не просто порочный, но еще и как непрактичный, чреватый деловыми неудачами и даже жизненными катастрофами.

В таком контексте, подчеркивает Р.Хубер, шансы преуспеть почти не зависят от окружения или наследственности. Что касается удачи, то ей практически не оставалось места в этой дидактической доктрине, которая тем не менее не противостояла житейским реалиям, а определенным образом коррелировала с

ними, пусть и не столь прямолинейно, как ей самой представлялось. Накопление богатства почиталось добродетелью не только потому, что оно формировало характер, но также и потому, что позволяло преуспевающему человеку вносить вклад в благоденствие общины и нации. Моральное оправдание целей успеха - такова основная сверхзадача биографических описаний самого успеха. При этом, наряду с секуляризированными интерпретациями успеха в духе Б.Франклина, преобладающей была демонстрация приверженности религиозным ценностям, в чем усматривался один из секретов успеха, стимулирующего индивидуальные амбиции, возвеличивающего самодисциплинированность упорного труда и принцип отсроченного вознаграждения.

"Этика личности" становится серьезным конкурентом своей предшественницы, вероятно, с появлением в 1936 году (датировка носит чисто символический характер) книги Дейла Карнеги "Как завоевывать друзей и влиять на людей", этическая составляющая которой скрыта за психолого-практической концепцией (что, как мы уже отмечали, часто не обнаруживает современный российский читатель этой книги, ставшей у нас популярной в годы перестройки).

Если для "этики характера" проблемой были не другие люди, а собственные ресурсы индивида, то для "этики личности", отмечает Р.Хубер, наибольшие проблемы связывались с реакцией других людей на поведение человека успеха. И здесь судьба эгоцентричного индивида больше зависит от него самого, от способности к самоизменению, а не от обстоятельств, от удачи. Однако, переключаясь в этом с антиинтеллектуализмом "этики характера", "этика личности" полагает, что умение сходить с людьми стоит все же выше, чем умственные способности. Более того, анализ многочисленных источников приводит Хубера к выводу о поразительном безразличии этой доктрины к философско-этическим аспектам идеи успеха. Если "этику характера" постоянно преследовал страх перед реальным успехом, угрожающим разрушить моральные качества индивида, при помощи которых этот успех достигался, то "этика личности" никогда не колебалась перед данным противоречием: ведь нельзя же всерьез считать добродетелями умение говорить с другими, способность проявлять внимание к интересам других (хотя и здесь - прибегнем к ремарке - недопустимы крайности: есть своеобразные добродетели рыночных услуг).

В книге Р.Хубера содержится развернутое и критически ориентированное объяснение доминирования "этики личности" в контексте эволюции экономической системы и развития потребительских ожиданий. В ряде работ западных и отечественных исследователей (Р.Миллс, Д.Рисман, Э.Фромм, А.Турен, франкфуртцы, Э.Ю.Соловьев, Ю.А.Замошкин и др.) было предложено полноценное объяснение происшедших изменений. Подчеркивается, что возникло массовое производство, прорвавшее барьеры дефицитности благ, потребовавшее новых поведенческих регулятивов, и это самым существенным образом повлияло на представления об успехе и способах его достижения. Проблема заключалась уже не столько в том, чтобы произвести больше товаров и предоставить услуг, сколько в том, чтобы заставить то и другое двигаться от производителя к потребителю: успешность поменяла систему координат и систему критериев. Появилось множество людей, чьей деятельностью становится маркетинг, продажа, реклама, распределение, финансы. Природа конкуренции в этих условиях борьбы за покупателя, потребителя делает "этику личности" незаменимой для достижения делового и жизненного успеха.

Понятно, что привычные моральные оправдания успеха в этом плане утра-

тили свою необходимость: покупка в рассрочку, кредитные карточки, новейшие модели рекламы, все возрастающий стандарт жизни, социальное страхование, предостережения об опасности чрезмерного роста сбережений (в духе кейнсианства), рост потребительского кредита ("жизнь в займы"), падение пуританской традиции умеренности, бережливости и т.п. способствовали переменам в моральном оправдании деятельности, нацеленной на успех.

Еще один уровень объяснения в смене этических доктрин успеха связан с изменениями в предпринимательской деятельности. "Этика характера" морально "обслуживала" преимущественно малые формы бизнеса. Растущая конкуренция, появление корпораций, рост технократии проложили дорогу к новому предпринимательству и иной этической доктрине обоснования успешности. Корпоративная бюрократия требует прежде всего умения работать с людьми среди людей, причем на фоне обострения внутрикорпоративной конкуренции. В мире "этики личности" служащий продвигается вперед по своему статусу, престижу и доходу, рекламируя себя как товар, и в Америке середины XX столетия понятие "человек, с которым трудно иметь дело" стало соответствовать понятию бесчестности в более ранний период.

Три противоречивых последствия влияния "этики личности" на образ жизни американцев выделяет Р.Хубер. Во-первых, "этика личности" усиливает настроения конформизма, требуя играть в игру в соответствии с наиболее эффективными правилами, даже если они насилуют этические принципы данного индивида. Во-вторых, происходит смещение акцента с работы над природными ресурсами к работе над людьми, которые составляют "сырой материал", из которого создается успех, что делает все более вероятным нарушение кантовского императива отношения к человеку как цели, но не как средству. В-третьих, "этика личности" увела человека от самого себя (к проблеме отчуждения мы еще вернемся). Если в "этике характера" успех был прочно связан с внутренними качествами личности, то в следующей за ней доктрине успех зависит от мнения других (знаменитое руссоистское "бытие во мнении других"). Средства успеха не являются фиксированными, а варьируются в зависимости от ожиданий других людей, что приводит к постепенной утрате самоидентичности. А такой человек все время чего-либо опасается и беспокоится, но не перед безличностными силами, которые он старался контролировать с помощью своей предусмотрительности и умирять верноподданническими мотивами, а перед неконтролируемыми человеческими силами.

Отметим те изменения в мире и в его философском осмыслении, которые обусловили смену доктрин этики успеха.

Один из парадоксов роста индивидуальной свободы заключается, по Хуберу, во все большей зависимости от организаций, институтов и других лиц как условия личного успеха. Однако, если индивид оказывается чрезмерно преданным целям, нормативам, правилам, принятым в корпоративно-бюрократических организациях, ему трудно достичь успеха - от него ждут лишь символической, ритуальной приверженности целям и нормам "индивидуалистического коллективизма", не более того.

Другое изменение касается различия в ощущении личной неудачи. Когда американец XIX века терпел неудачу, он испытывал чувство вины, неуважения к самому себе, чувствовал стыд перед ближними и ассоциациями, членом которых он был. Современный американец, предлагая самого себя как товар, при неудаче испытывает чувство тревоги относительно собственного могущества. То есть моральное качество вытесняется психологическим дискомфортом.

И еще одно изменение. В прошлом преуспевающий человек нуждался в чувстве *уважения* со стороны других, тогда как современник нуждается в чувстве *популярности* среди окружающих.

За годы, истекшие после выхода книги Хубера, произошли перемены, которые нельзя не учитывать в дескриптиве успешности. Прежде всего, произошел "взрыв" малого и среднего бизнеса, который, казалось бы, должен был вытеснен крупными корпорациями. В самих этих крупных организациях укрепилась корпоративная этика, которая, конечно, не могла оттеснить "этику личности" полностью, но позволила минимизировать, ослабить последствия тех противоречий, которые были вызваны сменой версий этики успеха.

Далее. Неудачи неоллиберализма снова потребовали "призвать на действительную службу" индивидуализм, создать новый баланс между солидаризмом и индивидуализмом, оттесняя крайние формы того и другого на обочину духовной жизни. Неоконсервативная волна несла за собой частичную реабилитацию "этики характера" с ее подчеркнутой ролью добродетелей в достижении успеха. Не исключено, что идет процесс синтеза обсуждаемых сейчас двух версий этики успеха.

С другой стороны, надо иметь в виду, что произошло не просто вытеснение и умерщвление добродетелей успеха, но и частичное обуздание индивидуалистического своеволия, хищничества, равнодушия к общественному благу, которые сосуществовали с "этикой характера" на протяжении всей ее истории. С помощью "этики личности" удалось ограничить практику следования циничному принципу "успеха достоин тот, кто его добился".

Однако произошло и нарастание разрыва между побудительными мотивами ("достигай успеха") и ограничительными нормами ("соблюдай правила честной игры"), возникли диссонансы между подлинными и показными ориентациями. Отсюда - не просто рост психических срывов, но и учащение ролевых несоответствий, случаев обращения к осуждаемым общественным и групповым мнениям средствам достижения успеха. Изменилась и самооценка собственной жизнедеятельности: явно ослабла концепция призвания* морального долга, миссии. Все это вошло в совокупную причинность морального кризиса технологической цивилизации, о чем будет сказано в последней лекции вводного курса.

Теперь относительно двух следующих позиций по вопросу о *соотношении успеха и добродетелей*. Очевидно, что в "малом обществе" проще и легче обнаружить связь между добродетелями человека и выпавшим на его долю успехом. И эта связка вполне удовлетворяла потребности как развитых традиционных социумов, так и раннеиндустриализированных обществ. Когда экономика вписана в семейные отношения, а политика охватывает достаточно обозримый круг лиц и выступает как продолжение личных отношений, когда война опирается преимущественно на индивидуальное мужество (что не обесценивало роли военной организации), а культура выступает как выражение аристократического этоса праздности, тогда подобная связка обретает убедительные черты наглядности и справедливости.

Другое дело - большие организации и даже целые автономные специализированные подсистемы прежде слитного, как монолит, а затем расщепленного, дезинтегрированного общества (Н.Луман). Они функционируют по безличным законам и формализованным критериям. Занятые в них лица обязаны обладать умениями и знаниями, полученными в результате общеобразовательной и длительной профессиональной подготовки. Эти умения, знания, навыки слабо коррелируют с их добродетелями (феномен расхождения профессиональных и

моральных качеств).

Иначе говоря, сеть функциональных отношений, которая расползлась по всему современному обществу, не может выдержать нагрузки, связанной с расхождением намерений и действий, с давлением нравственно негативных мотивов. Нормальное функционирование данных подсистем и организаций требует страховки от злых умыслов, что достигается только в том случае, если оно вообще не зависит от моральных мотивов, от добродетелей и пороков. Поэтому этика добродетелей, замкнутая на мотивы и обнаруживающаяся в непосредственном общении, дополняется системной или институциональной этикой, которая не связана с содержательными мотивами, воплощена в правилах функционирования систем, совпадает с их объективной логикой [30, с. 42-46].

В связи с высказанными соображениями отметим, что потому-то и возникла профессиональная этика, которая в сильной степени зависит и от мотивов, а через них и от добродетелей. Она не просто совпадает с объективной логикой функционирования подсистем и организаций, а обязательно требует такого совпадения на основе определенным образом ориентированного поведения специалистов всех профилей, что и позволяет соединить нравственность с профессионализмом. Роль интегратора выполняют нормы профессиональной этики и соответствующего этоса (мы не смешиваем этику ученого с этосом науки, этику врача - с биоэтосом, воспитательную этику - с этосом воспитания и т.п.). В работах, посвященных отраслям доктрины этики успеха, еще предстоит продемонстрировать процесс и противоречия такой интеграции, которые всякий раз реализуются многозначно и специфическим образом.

Уже говорилось, что этика успеха носит консеквенциональный характер и вместе с тем она "под занавес" восстанавливает значимость нравственно позитивных мотивов, которые определяются доверием к универсальным нормам поведения в специализированных пространствах человеческой деятельности, в верности им. И еще не забудем: только что шла речь о веберовской концепции профессионального призвания, которая специально трактует проблему единства добродетелей и успеха.

Нам хотелось бы в данной связи обратить внимание на ярусность морали и на опасность, которая подстерегает исследователя, если тот вздумает придерживаться лишь одного - ригористического - представления о морали ("такова и только такая подлинная мораль!"), если примется отвергать другое представление ("такова неподлинная мораль!").

Существует облик совершенной моральности, воплощенной в этике любви, дружбы, чуть ли не уважения ко всему живому, самоотверженного служения Роду, Государству - "везде и всегда". Но не менее значим и другой облик моральности - социально определенных, погруженных в пространственно-временной исторический континуум и потому изменчивых нормативно-ценностных систем. Возможно, они ординарны в том смысле, что не требуют необычайных человеческих качеств и необычайной мотивации. Нормы и ценности этих систем насыщены социальной конкретикой ("здесь и сейчас"), предлагая такие способы интерпретации моральности, которые выражают пристрастия и интересы социальных групп и общностей, отдельных организаций. Здесь обычно вопрос стоит о человеческой порядочности, среднем уровне честности и добросовестности, об этическом стандарте.

Между двумя этими ярусами моральности трудно прочертить демаркационную линию с желаемой степенью четкости. Свойства неопределенности, скользящих отличий, проницаемости особенно дают о себе знать, когда мы обраща-

емя к моральности внутри автономных специализированных подсистем. Здесь моральность принимает форму конвенциональности, а нормы складываются не только произвольно, но отчасти по соглашению ("скромная этика контракта", по удивительно точному выражению С.С.Аверинцева). Трудно принять точку зрения тех, кто категорически отсекает конвенционализм от морали вообще, кто ставит вопрос ребром: либо-либо. Или "подлинная" этика - или некая институциональная этика, предполагая неподлинность, суррогатность последней.

Действительно, в управленческих отношениях, при формализованных связях преобладает ролевое, "масочное" общение, а люди радикально разделены на субъекты и объекты, на управляющих и управляемых (подобно вещи, средству, продукту, механизму и т.п.), отношения между которыми содержат неравенство, подчинение, практику "решения за других", несамостоятельность. Основываются эти отношения на необычайной "религии": несокрушимой вере во всемогущество социального планирования и управления, на подавлении "иных измерений", на надзирательстве, на мотивации поступков не "по совести", а по указаниям свыше, из "Верхних Покоев", или же по коллективным решениям. Но давно известно, что даже в строго иерархизированных структурах имеют место неформальные, "неуставные" - в широком смысле слова - отношения, к которым уже не применимы обличающие иерархизм характеристики.

Существует и другой тип отношений - партнерство в добровольных ассоциациях, где религии Плана может противостоять религия Дела. Не станем уверять, будто партнерство воплощает высшие ценности нравственности. Подобные притязания были бы чрезмерными. Партнерские отношения могут не вызывать восторженности и, скорее всего, не вправе претендовать на эталонность человеческих связей. Вступая в партнерские отношения, автономная личность, способная к самостоятельной постановке и решению отнюдь не элементарных нравственных задач, руководствуется при этом личными, рационально исчисляемыми и ориентированными на успех интересами, а потому не следует приписывать ей "незаинтересованные" мотивы. Но было бы непростительным ханжеством утверждать, будто такие отношения не реализуют какие-то существенные, значительные для нравственной жизни ценности.

Данные отношения, пожалуй, следовало бы отнести к товарищеским, уподобить им, учитывая, что и в товариществе обнаруживается различная степень близости и теплоты, бескорыстия и солидарности. С известными поправками партнерство можно провести и по графе профессионально-коллегиальных отношений. Партнеры, по словам видного современного американского социолога А.Этциони, образуют жизнеспособные "ответственные сообщества", гораздо более интегрированные, чем простая совокупность индивидов, стремящихся к самоутверждению, однако менее иерархичные, менее структурированные и социализирующие, чем авторитарная община [31, с.8].

Эти отношения предусматривают довольно тесные связи, солидаристскую поддержку, предполагают определенную степень близости людей, их привязанность друг к другу. Они строятся на принципах доверия, уважения, доброжелательства, равенства, свободы выбора, взаимной полезности (у них - общее Дело) и ответственности за собственность, карьеру и престиж как объективированные формы успеха. Хотя и - в ряде случаев - при слабой выраженности интимности в отношениях, при перевесе формальных моментов над неформальными. Причем фактор взаимной полезности вовсе не делает признание партнера самоценным субъектом в качестве вынужденного, так как продолжает действовать фактор добровольности союза и, стало быть, призна-

ния партнерами друг друга в качестве участников субъект-субъектных отношений. Партнер не руководствуется "указаниями свыше" и у него не отключены механизмы долга и совести.

Пока мы говорили главным образом о нормах-целях. Пришла пора в связи с обсуждением проблемы единства добродетелей и успеха вспомнить об ограничительных, сдерживающих нормах-средствах или нормах-рамках. На первое место в этом корпусе ингибиторных норм выходят требования морального (а не одного только правового, как это нередко кажется) равенства для всех тех, кто очутился на соревновательных площадях "открытого общества". Затем следуют нормы, которые требуют уважения к собственности, обретенной в результате вовлечения в рыночную игру с ее выигрышами и проигрышами, победами и поражениями.

Речь идет не просто о правилах игры на рынке, в политике, в профессиональной деятельности, а именно о честных правилах игры, следование которым предполагает и требует, как говорилось выше, добродетели партнерства, добродетели честности в отношениях между участниками игры, добродетели верности обязательствам. Они табуируют неразборчивость в средствах конкурентной борьбы (меры против недобросовестной конкуренции во всех сферах деятельности), игру на грани фола. Они предполагают совмещение конкурентного потенциала в борьбе за успех с потенциалом кооперативным, рыночной ориентации на свободную конкуренцию - с ориентацией на добровольное ограничение экономического поведения, преодоление его социально оскорбительных форм.

Вместе с тем правила честной игры вовсе не носят ханжеского характера, не накладывают вето на хитроумные комбинации в рыночной и политической игре, не запрещают маневрирования, умалчивания о замыслах обманных движений, не осуждают стремления участников игры представить себя в выгодном свете. Иначе, не запрещают всего того, без чего игра - не игра, без чего трудно представить себе путь к успеху в ней, стремление к которому само относится к числу моральных требований (вспомним: добивайся успеха!), что делает этику успеха реалистичной, а не декларативной.

Далее следуют нормы, требующие уважения к достижениям (прибыль, богатство, карьера - политическая, научная, административная и т.п.) и к инноватике. Огромную роль играют нормы трудовой и профессиональной морали. Как это ни странно звучит, требуется уважение и к досуговой морали, к этике потребления, которую надо отличать от "фан-моралити". Норма, требующая уважения - одна из ключевых в этике успеха. По Гегелю, эта лапидарная формула звучит так: "Будь лицом и уважай других в качестве лиц" [32, с.98; 28]. И не от случая к случаю, не в результате счастливого стечения обстоятельств, не под угрозой остракизма или иных негативных санкций общественного мнения, а систематически и добровольно. Данную формулу можно было бы расшифровать следующим образом: речь идет не о требованиях проявлять великодушие, возлюбить ближнего, как самого себя (что, кстати, предполагает рассматривать себялюбие в качестве базовой предпосылки завета), а совершать поступки и понимать поступки других. И на такой основе самостоятельно производить моральный выбор, принимая решения под личную ответственность. Когда требования симпатии, сострадания или щедрости оказываются безрезультатными, мы, не получая отклика, просто уходим с унынием. Требование же уважения притязательно и его отсутствие вызывает обоснованный нравственный протест; в этом смысле оно подобно требованию справедливости.

При этом "репертуар" выбора определяется не столько высокой степенью слитности с группами общинного или средневеково-корпоративного типа, вынужденной, навязываемой групповой принадлежностью, а также включенностью в ту или иную массу (понимаемой в духе Е.Замятина, Э.Канетти, Х.Ортеги-и-Гассета), сколько широтой гражданского кругозора и собственной неповторимостью. Здесь проявляется не идентификация лишь с социально "близкими", а неизмеримо более широкая сопричастность с Родом, с множеством групп и ассоциаций, в которые личность вступила добровольно (хотя можно ставить и проблему нравственной ответственности "неличных субъектов").

Все нормы-рамки могут быть либо сакрализованными (этически ориентированные мировые религии, знаменитая протестантская этика, все ее иноконфессиональные аналоги, включая конфуцианскую этику или этику русского старообрядчества), либо секуляризованными. Наконец, большой блок норм и ценностей связан с поведением внутри различных организаций и корпораций.

Достижение и отчуждение

Следует сказать, что накал дискуссионных страстей вокруг этики успеха, ее природы не спадает. Не только у нас в России, где он вполне объясним. Ведь свободный выбор в пользу успешной деятельности и формирование "потребности в достижениях" еще далеки до завершения, что неудивительно, так как переструктурирование инертного общества лишь началось, идет неровно, рывками, с элементами ретардации и все еще многочисленны иммобильные слои населения, еще сильно выражены ориентации на вялотекущую, окаменелую трудовую и служебно-карьерную деятельность, окаймленную соответствующими моральными представлениями, нормами и оценками. Но и в мировом масштабе идут споры на различных уровнях и в различных терминологиях.

Прежде всего в этих спорах обращается внимание на проблему отчуждения (к которой мы обещали возвратиться). В самом деле, современное общество (и к нам это, видимо, относится в полной мере, так как Россия прошла модернизацию, пусть даже не "до дна", как-то односторонне, "патологично", "патримониально") освоило, апроприировало, говоря языком Юргена Хабермаса, *инструментальную* (социетальную, технологическую) рациональность, ориентирующую деятельность в русле достижения. Но рациональная мораль и этика успеха лишь отчасти соответствуют инструментальной рациональности. Пренатальность ее регулятивов в отечественной современной ситуации связана с тем, что сами достижения оказываются отчужденными от агентов деятельности, ведут к усилению экономического и политического господства, давления ими же созданных механизмов социоконтроля и нормативного порядка.

Продвигая веберовскую парадигму социального действия, необходимо, согласно Юргену Хабермасу, выделить коммуникативную рациональность как нечто противостоящее рациональности инструментальной. За пределами экономического и политического господства простирается бескрайнее поле социокультурной повседневной интеракции (а не просто службы, работы). Это - среда символического *понимания*, но не высокомерного и всезнающего объяснения, без которого нет и не может быть инструментализма. В эту сферу входит и самоинтерпретация, структурированный жизненный мир свободы и выбора. В таком мире возможны рационально мотивированное взаимопонимание и согласие, избавленные от внешнего принуждения со стороны экономических и политических структур, от давления отчуждающих социальных норм и меха-

низмов социоконтроля. Такое взаимопонимание и согласие лежат в основе формирования "жизненно-мировых общностей", как их именует Хабермас. В более привычной для нас манере выразаться можно было бы в этом случае сказать о формировании *культурно-мировоззренческих общностей* - люди задаются не столько инструментальным вопросом "что делать для достижения успеха?", сколько "во имя чего следует это делать?".

Именно в таком ракурсе имеет смысл говорить о свободном выборе успеха как лейб-ценности определенных лиц и групп населения, которые и образуют коммуникативную среду *успешных профессионалов*, *пассионариев* (если в данное понятие не вкладывать этнического смысла в духе Л.Н.Гумилева), *мироустроительных активистов*. Хотя, поспешим заметить, значительная часть таких лиц организуется не обязательно вокруг ценностей успеха, а по каким-то иным векторам активности, где успешное измерение обретает скорее метафорическое значение. Скажем, когда производят выбор в пользу коммунизма или феминистского движения, религиозного фундаментализма или неоремесленничества. В сущности, в безразмерных границах контркультурного обновления всегда отыщется место для огромной пестроты свободного выбора направлений активизма.

Важно отметить, что интересующие нас формы активизма образуют "жизненно-мировую" общность не только потому, что "среда заставила" их стать таковыми, что система продиктовала не терпящим возражений способом предпочтения в пользу ценностей достижения. Напротив. Они сами создают (нам такое заключение позволяет преодолеть прегрешения объективистского редукционизма) символическую культурную, лингвистическую среду для рынка и политико-административных институтов, способствуя эволюции и рынка, и институтов, освобождая себя от отчужденного мира господства, от навязываемого нормативного порядка. Они свободно избрали достигательную установку с помощью инноватики в технологиях, организациях, на интеллектуальном и культурном рынках и свою личными усилиями обретенную свободу готовы ограничить лишь возникшими в результате исторически продленного дискурса - а он предназначен снять или минимизировать расхождения между членами такой культурной общности - *конвенциональными правилами этики успеха*. Она ведь не только "обслуживает" договорные отношения экономического и политического рынка, но и сама является итогом своеобразной согласительной, договорной работы ее приверженцев [33].

Впрочем, сколь ни пластична по своей природе сфера коммуникативной рациональности, но в конце концов (на самом деле здесь не может быть никакого предзаданного конца) накапливаемые в ней изменения начинают воздействовать на фактуальное и нормативное господство, в какой-то мере его ограничивая и внося тем самым существенные поправки в нравы сурового мира инструментальной рациональности. Вместе с тем на этой основе идет продвижение от рациональной морали и этики успеха к более многогранным ценностным образованиям, к чему мы вернемся в последней лекции вводного курса.

Романтическая и социал-утопическая критика инструментальной рациональности не может частично разрешить вопрос об отчуждении в сфере господства: ведь этика успеха обязывает человека не только не эвакуироваться с рыночной площади, но, оставаясь на ней, добиваться успеха, достигать успеха и в зоне повышенной нравственной опасности, какой, например, являются политика, бизнес?! Ведь свои западни нравственного характера для того, кто вознамерился добиться успеха, готовит деятельность в корпорациях и даже в

профессиональных организациях?! И как бы такой человек ни изворачивался, в сфере инструментальной рациональности он продолжает быть чем-то подобным вещи, предметом использования! Его значение все равно измеряется, главным образом, стоимостью оказываемых им услуг другим! А где нет такого меркантильного отношения, там либо обнаруживается ханжеская маскировка мотивов своекорыстия, либо фиксируется случайность бескорыстного отношения к человеку! При этом человек успеха и самого себя стремится использовать лишь в качестве средства достижения обесчеловеченных целей (безграничного накопления богатства и концентрации власти как таковых)!

Такая критика убеждена, будто люди, прикрываясь правилами рациональной морали и максимами этики успеха, просто-напросто уклоняются от исполнения предписаний как "естественной", традиционной морали, так и самой рациональной морали, универсальных правил этики успеха.

И что же, спрашивается, согласно этой критике, отталкивает таких людей от исполнения императивности по всем названным линиям? То, что моральные предписания предстают перед ними как деспотия социальной жизни над жизнью частной, коей они привержены самым искренним образом. То, что эти предписания предстают в виде стремления принудить человека жертвовать своими реальными потребностями и интересами, запросами и устремлениями в угоду химеры процветания злополучного "целого", которое утратило прежде зримые очертания (микромиры общин) и, став "большим", к тому же еще и "открытым", кажется отдельному индивиду чуть ли не трансцендентным, инфернальным началом. И спасти свои физические и духовные силы от неэквивалентного "выкачивания" в пользу названного начала возможно только изворотливым уклонением от предписаний морали. Таков тот фон - желчно замечает критика - на котором пышным цветом произрастают ригоризм, практика казенного морализирования, сетования о невыносимости бремени долга, с одной стороны, а с другой - массовое попрание нравственных запретов, правил честной игры в конкурентных отношениях, в борьбе за личный (или корпоративный) успех.

Критика исходит из того, что на рыночной площади, на политико-административной арене и т.п. рушится вся система требований к поведению человека (и рынок, и политика не даром клеймятся тавром *грязного дела*), которая вместо естественного разделения на высший, подвижнический, канон и обычный канон, раздваивается на официальную, лишь демонстрируемую, моральность и на неофициальную, зато исподтишка практикуемую, "мораль" (феномен двойничества, биморализма, раздвоения морального стандарта). В результате личность погружается в засасывающую топь антиномий, противоречивых позиций, требований и оценок, что не только усложняет моральный выбор, с чем еще можно было бы и смириться, но и просто дезориентирует поведение, препятствует достижению его последовательности и предсказуемости. И как бы человек успеха ни воспринимал подобную расколотость (как аномалию, дефективность или же как нормальность, обусловленную неизгладимыми различиями в видах и сферах деятельности), в этом явлении выражена саморазорванность объективных условий существования человека в макромире гражданского общества.

Что ж, в этих наблюдениях и выводах действительно много верного, того, с чем нельзя не солидаризироваться. Ясно, что не просто жить и действовать в двух ценностных мирах, регулирующих формализованные и неформализованные отношения, публичную и частную сферы жизни, связи общинные, комму-

налистские и рыночные, преобладающие в исключительно сложном "открытом" обществе. Мы уже говорили об этом выше. Но у нас есть и ряд серьезных возражений по поводу романтической критики и против доводов в пользу построения новой Лимонии.

Достижение и свобода

Человека успеха, во-первых, манит вовсе не только богатство, карьера, престиж (это - еще не вся мотивация на успех), но и само движение по стезе успеха. Совершенно не случайно этика успеха артикулирует не только правила честной игры, но и мировоззренческие концепты жизненного призвания в их са-кральной или секуляризированной форме.

Проблема успеха становится предметом *этики успеха* потому, что ориентация на успех является предметом морального выбора, деятельности мировоззренческого яруса сознания личности. Это нравственное содержание выражено уже в понимании успеха как позитивного результата "проекта бытия" личности, ее самореализации. Состоялся ли человек - в смысложизненном измерении этого вопроса? Не напрасен ли его жизненный путь, оправдывает ли итог судьбу человека?

Разумеется, сама постановка такого рода вопросов предполагает возможность выбора идеалов, мировоззренческого ориентира для жизнотворчества, исходит из возможности позитивной свободы в таком выборе, многообразия ценностных ориентаций и систем ценностей. Современный человек, как показал Э.Фромм, не свободен в выборе, если речь идет о том, иметь или не иметь идеал, но в выборе самого идеала он остается свободным.

Разумеется, свобода выбора ориентации на успех среди иных, в том числе и альтернативных, ценностных ориентаций несет в себе нравственную проблему, является актом не только прагматического, но и морального риска. И такого рода риск имеет своей ставкой не элементарный успех или проигрыш, но шанс повышения уровня свободы, расширения ее сферы, такую неопределенность морального выбора, которая предоставляет возможность максимального проявления доброй воли.

Возвращаясь к концепции призвания, подчеркнем, что в ее рамках удастся разрешить мучительное противоречие, вызванное инверсией целей и средств, противоречие между социокультурным, коллективно-массовым представлением о деловом успехе в материальных терминах и представлением о жизненном успехе в духовных терминах. В этих же рамках снимается или смягчается противоречие между подвижническим и ординарным канонами моральности, преодолевается биморализм и обеспечивается - если и не полностью, то в значительной мере - последовательность поведения. Нормы и ценности этики успеха вовсе не воспринимаются людьми призвания в качестве отчуждающей силы: ведь возникли эти нормы в результате добровольной консенсусной деятельности в духе коммуникативной рациональности и обновляются в ходе непрекращающегося дискурса. Именно поэтому, очевидно, нелепо ставить лобовой - без последующей конкретизации - вопрос о том, что стоит предпочесть: ориентацию на успех или тягу к нравственному совершенству, к идеалу?

Этика успеха, далее, отнюдь не воплощает только личный интерес и тем более своекорыстный, к тому же непременно в пику общественному интересу. Ее пафос заключается в соотносении личностью своих и чужих интересов, постоянно изменчивых индивидуалистических и солидаристских пристрастий. И в этом смысле она включает в свой состав и утилитаристский принцип: ока-

зывается, выгодно, если угодно - рентабельно, следовать предписаниям этики успеха даже тогда, когда, казалось бы, ситуативно приходится в чем-то отказываться от выигрышей в одном из нескончаемых туров деловой и политической игры. Вложение в "верность", "доверие", "честность" (что было подмечено еще Б.Франклиным), почтение к этическим максимам оборачивается стратегической устойчивостью деловых и политических связей, укреплением партнерских отношений, ростом доверия в них и т.п.

Теперь, *во-вторых*. Романтической и социал-утопической критике очень не повредили бы некоторый скептицизм или - на крайний случай - хотя бы умеренность в своих инвективах. Тенденция к отчуждению, к моральному отчуждению, все-таки только тенденция. Ей противостоят и противоположные тенденции.

Формирование открытого общества протекает одновременно с трудным, неровным и замутненным процессом превращения "дикого" рынка в рынок цивилизованный и социализированный, политические отношения подвергаются гуманизации и во всем этом огромную роль играют этика предпринимательского и политического успеха.

"Эра Клондайка" - как ранний этап развития рыночных отношений - характеризуется сильным влиянием паразитических спекулятивно-грабительских тенденций. Мы своими глазами видим сегодня в России все ту же беспардонность погони за наживой, поисков прибыли не столько в продуктивной или даже посреднической сфере, сколько в сфере перераспределительных отношений. Такая экономика развивается сравнительно медленно и ей присущи жесткая конкуренция и хищническая эксплуатация наемного труда. Она навязывает аскетический образ жизни значительной части населения, так как слабо зависит от покупательной способности широких слоев его и почти не зависит от снижения дифференциации в распределении доходов как основы для массового производства и потребления ("рынок нищих"). И уже совсем не коррелирует она с развитием творческого потенциала людей успеха.

Нет ничего удивительного, что в нравственном плане экономика "дикого" рынка (как и соответствующая политика) оборачивается антигуманным отношением к производителю, что сужает число тех, кто мог бы встать в ряды людей успеха, характеризуется широким применением насилия, плодит пороки во всем их разнообразии. И, разумеется, не отрывна от роста того, что выше определялось в качестве морального отчуждения. Этим как раз и объясняется возникновение и расцвет моралистической критики нравов "дикого" рынка и аморализма политики (в том ее несомненная заслуга). Однако, как бы "заодно", сюда включается и критика нравов макромира гражданского общества в целом (в этом ее ограниченность).

Преувеличивая силу и основательность тенденций, ведущих к отчуждению, романтическая критика с трудом способна разглядеть нарастающие контртенденции, которые уменьшали роль различных аспектов отчуждения и способствовали социальной терапии. У такой критики не хватило духа признать, что отчуждение не связано с какой-то одной формой собственности, с каким-то одним общественным строем, с товарно-денежными отношениями, с либеральными ценностями и демократическими процедурами. В итоге ей пришлось интерпретировать моральный феномен в качестве надстройки над базисом, над первичными детерминирующими отношениями и, соответственно, выводить коммуникативную рациональность из инструментальной, первичной - воззрение, которому концепция "протестантской этики" и этики хозяйственного успеха нанесла внушительный удар. Выпестованная в них идея профессионального и делового

призвания продемонстрировала множество эффективных способов противостояния отчуждению в сфере трудовых, профессиональных и политических отношений.

Правда, этот опыт противостояния свидетельствует и о том, что полностью "снять" отчуждение практически невозможно. Почему? Ряд исследователей справедливо отмечают, что социальные и организационные отношения с их инструментальной рациональностью в нормативно-ценностном плане впитывают неповторимые антропологические характеристики, всевозможные человеческие страсти. Они могут совпадать, но могут и не совпадать с этими отношениями - идет ли речь о суперобщностях, больших массах или же о малых мирах. Их рождение, расцвет, застой и гибель просто несоизмеримы с жизненными циклами индивидов, которые вынуждены подчинять свои циклы и духовные кризисы внешней необходимости. И даже образуя "жизненно-мировые" общности, они все же вынуждены переживать некоторую (всякий раз различимую) степень ограничения их свободы.

И эта "тайна" унижающего нас подчинения Роду, культуре, истории, общностям не может быть, как нам кажется, разгадана исчерпывающим образом. Подчиняющие нас инстанции и впредь будут "править бал", ломать наши судьбы, оборачиваясь тайфунами иррациональных потрясений. А раз так, то моральная регуляция - навязанная или же нами свободно сформированная - всегда будет восприниматься в какой-то степени как отчужденная. Эта система регуляции будет иметь известное отношение - вопреки живучим иллюзиям Просвещения - к тому, что Н.Бердяев называл "террором социальности" или, по Фрейду, - к страху перед сверх-Я. Не исчезнет и потребность в терапевтических, антиневротических, анестезирующих средствах, способных как-то заглушить боль, страдания, муку неотвратимого подчинения внешним силам. Приглушающих, но не атрофирующих самую способность ощущать отчуждение, непреодолимую силу зла, паскалевский ужас перед человеческим существованием.

Людам, избравшим достигательную ориентацию, необходимо знать, что этика успеха не бездумно мажорна, а предполагает мужество стоицизма, чтобы не дрогнуть перед терминальными проблемами жизни, чтобы усвоить глубинную и многоплановую метафизику успеха. Абсолют "Неотчужденный мир" - лишь просто другое название Рая, о котором тоскует романтизм нашего времени и к чему призывает порядком потрепанный и приуставший социальный утопизм.

Дезангажемент успеха: моральное алиби для уклонившихся

Еще один аргумент в пользу этического статуса нашей доктрины содержится в решении ею проблемы взаимоотношений человека успеха и носителей иных воззрений, ориентаций.

Начнем с того, что этика успеха не только ориентирует на достижения, не только призывает к борьбе и конкуренции, кооперации и партнерству, но и запрещает любые проявления бесчувственности, черствости со стороны "достигших" по отношению к "отставшим" или сошедшим с эскалатора социального восхождения, осуждает высокомерное отношение людей успеха "первого ряда" к "безразрядным" - пока не замеченным и не признанным.

При этом фальшивое чувство морального превосходства ("мы познали цен-

ности делового и профессионального успеха, овладели соответствующей технологией, к тому же нам просто "подфартило") взобравшихся на вершину успеха и снисходительно поглядывающих на тех, кто отстал или вовсе застрял у подножия этой заманчивой вершины, провоцирует столь же опасное для состояния общественных нравов чувство зависти, злорадства при любых неудачах людей успеха.

Этика успеха культивирует чувство гордости за достигнутое. Это - естественное и живительное чувство, оно имеет бесспорную общественную значимость, поддерживает в человеке сознание собственного достоинства и чувство независимости. В стране с долгим засилием патернализма это очень важно. Но этика успеха культивирует *меру* этого чувства. Доведенное до крайности оно легко переходит в свою противоположность - в гордыню. Христианская мораль в числе семи непростительных смертных грехов небезосновательно ставит на первое место именно гордыню. Ее зовут матерью всех пороков.

Близка к гордыне и показная скромность. И уж совсем плохо в нравственном смысле, когда самолюбование и тщеславие принимают болезненные, уродливые формы и сопровождаются уже не снисходительным, но презрительно-брезгливым отношением к тем, кто не принадлежит к кругу избранных, баблуней судьбы, кто "недотягивает" до их статуса, когда весь этот комплекс чувств перерастает в нарциссизм отдельных лиц и даже целых элитарных групп со своими вульгарными (как правило) замашками и жаргоном, фактически уступающим ряду других групп уровнем культурных запросов, вкусов, манер и стиля поведения. Прежде таких именовали иронически "элитой низов и выскочек", а теперь к иронии добавляется возмущение "элитизмом" новоявленных богачей, нуворишей, успешность которых чаще всего носит паразитарный и призрачный характер. Сюда же причисляют получивших продленное бытие карьерных "успешников" из недавнего прошлого, не только чиновников, но и так называемых "образованцев" от науки и педагогики. Подобный феномен в целом справедливо воспринимают как проявление социального снобизма.

Далее. Этика успеха предполагает проявление толерантности и по отношению к *альтернативным ориентациям* относительно устремленности к деловым и профессиональным достижениям. Модернизирующиеся социумы (Россию можно отнести к числу односторонне модернизированных и потому теперь как бы "перемодернизирующихся" стран) культивируют идеологию успеха как важнейшую "локомотивную" ценность, а этику успеха рассматривают чуть ли не в качестве духовного символа веры современной цивилизации достижений. Об этом мы уже говорили и потому ограничимся лишь афоризмом современного немецкого философа Питера Козловского: "успех есть истинный бог модерна".

И на Западе, и у нас не первый день существует развернутая социальная критика модернизации - критика скептического, романтически-консервативного, фундаменталистского, социально-утопического подходов. Она предполагает негативную оценку ценностей делового успеха и несколько более снисходительное, осторожное, далеко не восторженное, отношение к ориентации на профессиональный успех. Само слово "успех" раздражает чувствительное ухо тех, кто привержен такой социальной критике, и они отдают предпочтение всем видам намеренного или пусть лишь отчасти намеренного уклонения от вовлечения в "крысиные гонки" за миражами успеха.

Критика модернизации может мотивироваться нигилистическими, технофобическими, экологическими, антирыночными и иными выкладками, вестись с различных идеологических платформ. С ориентацией на успех эта критика свя-

зывает торжество духа торгашества, беззащитного бизнеса, цинизма в политике, засилия бюрократии в администрации, в науке и образовании, авторитаризм в социальной педагогике, манию потребительства и просто "маниманию", которые лежат в основании морального кризиса нашей цивилизации и заводят ее в тупики дурной бесконечности "прогресса". Поэтому выдвигаются требования отвержения "данайских даров" индустриально-урбанистической цивилизации, пропагандируется "духовная гигиена несоучастия" в ее достижительных порывах. Таким дарам противопоставляются своеобразные экстравагантные ценности неуспеха, нормы соответствующей контрэтики как явной черты контркультуры постмодерна.

Мы еще возвратимся к сюжетам постмодернизма. А пока скажем, что такая критика - не новичок в духовной сфере и имеет за собой почтенную традицию. "Проживи незаметно", - призывал еще Эпиктет. "Признак настоящей жизни, настоящего человека, настоящего искусства - бесследность", - заверял древнекитайский мыслитель.

"Быть знаменитым некрасиво" - таково известное утверждение Б. Пастернака. "Все, что мы побеждаем, - малость, / нас унижает наш успех. / Необычайность, небывалость / зовет бойцов совсем не тех" - это уже из Р.М.Рильке. А вот совсем свежее: хвала будничной жизни советских людей, которые, - согласно ностальгическому вздоху Г.Гачева, - пользовались всеми благами социализма, но не надрывались на работе, никуда не спешили, превращая время в деньги, как это вынуждены многие делать сейчас.

Россия известна феноменом "обломовщины". Одна из его трактовок рассматривает этот феномен как проявление особой историческо-ситуативной позитивности мотивации неучастия и бездействия. Такая мотивация сулит успехи в тихой, невидимой деятельности души, в частной жизни, обнаруживая греховность в излишней устремленности к достижениям и обуславливая комплекс вины преуспевающего человека, столь ярко выписанного в нашей литературе.

Существует и мировоззрение социальной пассивности - квиетизм. Его императивы отличаются от инцидентной пассивности, временного паралича воли, от состояния аутогенной тренировки. Это - поиск абсолютной безмятежности, социального безразличия, выключения из любых социально одобренных моделей действия. С такой эскапистской точки зрения идеал естественного и свободного человека не нуждается в гонках за успехом и в "каких-то" достижениях. Временами такой человек, правда, вынужден имитировать участие в общественной жизни, как будто бы преследуя определенные модели успеха, но тем самым он лишь маскирует свой ретретизм - уход в расчетливо избранное одиночество.

Весьма отличен от этого подхода стоицизм с его установкой на деяние без надежды на успех, о чем мы уже говорили. Если квиетизм означает, по сути, капитуляцию перед сложностью и суровостью мира, перед драматичностью Дела, перед противоречивостью самой концепции этики успеха, свидетельствует о неготовности овладеть нормами этой этики, то стоицизм предполагает постоянную мобилизацию воли, напряжение самодисциплины, героическую решимость, готовность повстречаться с непредсказуемыми зигзагами судьбы. Вот стоическое повеление Б.Пастернака: "... но пораженья от победы ты сам не должен отличать". Испытывая уважение к такой "философии безнадежной решимости", заметим, что она дает реальный шанс обновления общественной морали и, вместе с тем, укрепления норм этики успеха.

Лекция пятая
КАК ВОЗМОЖНА ЭТИКА УСПЕХА В РОССИИ?

Посмотрите, вот он без страховки идет.
Чуть правее наклон - упадет, пропадет.
Чуть левее наклон - все равно не спасти,
Но, должно быть, ему очень нужно пройти
Четыре четверти пути.

В. Высоцкий. Канатоходец.

Вопросы, которые мы выбираем

Стоит только вникнуть в объявленную тему и шквал трудностей обрушивается уже на стадии постановки вопроса. Во-первых, вынесенный в заголовок лекции вопрос предполагает соединение множества других, причем разнопорядковых, вопросов, образующих в сумме отнюдь не стройную систему, а некий "хаосмос" (выразительный оксюморон, придуманный двумя современными французскими философами). И все эти вопросы с трудом поддаются уплотнению и прояснению, накладывая друг на друга плохо коррелируемые "картины мира", образующие, в лучшем случае, фрагментарную мозаичность.

В такой ситуации попытаемся сначала просто перечислить данные вопросы, не соблюдая особо правил ранжирования их по значимости и по времени постановки.

Прежде всего, когда и как в России происходило (если происходило) вытеснение "естественной" морали моралью рациональной и что при этом возникало в ценностном Зазеркалье?

Если верно, что этика успеха зачинается и зреет в недрах рациональной морали, то какой вид приобрела последняя у нас в стране и как протекал (и протекает) конфликт между двумя нормативно-ценностными системами? Что ускорило, продвигало, а что - тормозило и искривляло данный процесс?

Из какого идейного и ценностного "материала" возводились основания этики успеха? Во-первых, какими традициями она в России подпитывалась, а какими - притеснялась и, возможно, даже табуировалась? Во-вторых, что пришлось "пересаживать" из импортного, заемного "материала", как известно плохо приживающегося в наших широтах?

Каков был потенциал трансформирования в плане взаимодействия этики успеха с конфессиональными ценностями страны, ее этическими религиями спасения?

Какую роль при всем этом играла идея государственного служения и успехов на данной ниве?

Как христианский индивидуализм сочетался с этническими архетипами и общинно-соборным сознанием?

Как шел процесс формирования граждан (а не просто подданных), частной собственности, прав человека и "юридизма"?

На базе каких ценностей возникали у нас - в той мере, в какой возникали - традиции и нормы этики предпринимательства, политической этики, этики социального управления?

Что с ними случилось в послереволюционную эпоху отечественной истории, какие возникли в этот период этосные образования, какие выкристаллизовались модели жизненного, профессионального, делового успеха, самотворения?

Какую эволюцию они прошли и что с ними стряслось в перестроечную и

постперестроечную эру, когда за каких-нибудь десять лет мы оказались едва ли не в "другой стране"?

И так можно вопрошать "ad paи seam" - до отвращения!

Модернизация: неподатливость социальной материи

Для начала попытаемся несколько упростить свою задачу. Сформулируем основной вопрос этой лекции так: идут ли модернизационные процессы на просторах нашего Отечества и, стало быть, формируются ли здесь рыночные отношения и демократические институты, с которыми обычно увязывается и' ход становления этики успеха, ее смысловое накопление?

Казалось бы, факты говорят сами за себя?! Но ведь известны и отрицательные ответы на этот ключевой для нашей темы вопрос. Мотивация таких ответов может быть самой разнообразной, однако инвариантны не испытывающие даже признаков истощения постоянные ссылки на фундаментальную чуждость этики успеха для ментальности нашего народа, его глубинных экзистенций. А в этом случае данная этика сразу проводится по статье искушающей дьяволиады, сатанинского совращения, источника моральной порчи народа, отпадения от благодати, всяких смут и всяческих схизм.

Во второй лекции мы замечали, что подобные подходы имеют хождение тогда, когда модернизационные процессы начинают упираться в упругую неподатливость социальной материи, в окаменелость традиционной ментальности в целом или ряда ее существенных сторон, когда эти процессы пробуксовывают, наталкиваясь на сопротивление традиционалистских слоев населения, когда они вызывают волну недовольства в массах (по большей части вполне обоснованного), выбитых из наезженной жизненной колеи.

Традиционные ценности, по определению, всегда с трудом поддаются преобразованиям, не готовы смириться с выталкиванием их на периферию духовной жизни, согласиться со сломом своей замкнутости, самоизолированности. Они противятся десинкретизации, связанной, с одной стороны - с расщеплением монолита социума на специализированные сегменты деятельности с соответствующими ориентирами и регулятивами, с ростом формализованных, обезличивающих связей, с другой

- с расширением рамок и объемов индивидуального выбора, с усилением перемещений в ставшем бесконечным пространстве социума. И все это вместо заключенности в закрытые пространства, былой прикованности к строго определенному - социально и даже физически - месту, к несменяемому виду деятельности, к ленивому течению времени.

Такие ценности предназначены поддерживать систему прирожденных, но не приобретаемых собственными усилиями и на основе личных склонностей статусов. Неудивительно, что с традиционалистских позиций без всякого воодушевления воспринимается все то, что лежит в основании ориентированной на успех деятельности, независимо от того, на какую мотивацию опирается такая деятельность - осмысливается ли достижение жизненного и делового успеха исключительно в инструментальных терминах или же еще и в терминах моральных.

Подчеркнем, что "неофобия" обуславливается вескими причинами, которые было бы совершенно недопустимо проигнорировать с позиций "прогрессистского" чувства надменного превосходства над "отставшими" и просто с позиций бесчувственности к тяготам преобразования корневых укладов жизни.

Отметим среди таких причин, *во-первых*, практически повсеместное паде-

ние и инволюцию нравов в результате модернизации, значительные *моральные издержки* (сопоставимые, пожалуй, с переходом от простых нравов первобытности к нравам цивилизации, о чем исписаны горы бумаги), невосстанавливаемые утраты, лишь отчасти перекрываемые в неведомом пока отдалении. Притом - в новой системе ценностных координат, с которой трудно как-то соотнести старую систему на предмет обнаружения того, какая из них "лучше" или "хуже", или "ниже", соответствует ли свойствам человеческой природы или же не соответствует им?

Напомним, *во-вторых*, о мучительном опыте нетворческого, шаблонного, подражательского, "ученического" использования универсальных ценностей деятельности, ориентированной на достижения, об опыте того, что еще в начале нашего века О.Шпенглер называл "псевдоморфозом" - когда импортируются и сравнительно легко усваиваются всевозможные технологии, в том числе и поведенческие, преимущественно внешние, формы инноваций (всегда легче "казаться", чем "быть", проще "иметь", нежели "стать") и, что нас больше сейчас интересует, когда остается слабо востребованным сам "дух" перемен с его культом аскезиса, профессиональной ответственности, серьезной воодушевленности, чувством меры, ощущением баланса между свободой и равенством, солидаризмом и индивидуализмом. А если брать вопрос шире, то речь должна идти о духе капитализма, рыночной культуры, демократии, своеобразной метафизике успешности и соответствующего стиля жизни (как надежного показателя усвоенности данного духа), которым безосновательно противопоставляется вдоль и поперек изведенный "национальный" дух.

Нелишне припомнить, *в-третьих*, о столь же тяжелом опыте навязывания ценностей достижительной стратегии - при нежелании воспользоваться методами диалога культур для подключения инноваций к логике органического развития национальных культур с их мифологией, стереотипами и архетипами.

Выделим, *в-четвертых*, печальный опыт форсажа, стремления спрямить естественные зигзаги исторического движения, укоротить сроки вызревания тех или иных результатов, опыт нетерпеливого подстегивания модернизационных процессов, неспособных по самой своей природе к акселерации: к ним безо всяких поправок подходит выражение "вялотекущие". Ведь одно дело - совокупность поверхностных мнений, впитанных сознанием, способным чуть ли не к внезапным сменам символических знаков, и совсем другое - сокровенное ядро сознания, устойчивая и сравнительно малоподвижная, инерциальная система ценностных ориентаций, мировоззренческих представлений, надежно укрытых от капризно изменчивых внешних воздействий. Отсюда-то раздражающая многих "градуальность", медлительность модернизационных процессов, постоянные откаты, своеобразный "моральный террор" по отношению к практичным "постепенцам", "кунктаторам". Отсюда же чуть ли не фатальная обреченность на повторы, рецессии, слабая расположенность к синтезам, расколы в общественном сознании, незавершенность начатого, непоследовательность. Все это - *locus minoris resistentiae* модернизации во всех странах, где бы она ни предпринималась, а стало быть - и у нас в России.

Цивилизационная атрибуция России

Мы, естественно, полагаем ошибочными взгляды "особупутистов", за которыми притаились и гипертрофированное национальное сомнение, и столь же гипертрофированный национальный страх оказаться на задворках технической цивилизации, в некоем культурном гетто. Даже тогда, когда сторонники "особо-

го пути" выступают поборниками странного соединения общественного динамизма с соборностью, патернализмом, самоуправлением общинного типа (без разрушения естественных связей).

Однако из нашего подхода вовсе не следует, будто в России (и еще где бы то ни было!) должна - и может - укорениться имитационная модель трансплантированной рациональной морали и этики успеха, выпестованной в ней системы мотивации на достижения и оценок достигнутого. История свидетельствует о невероятности подобного развития и о неудачах, которые, подобно року, преследуют ретивых модернизаторов. Не может этика успеха в России быть точной копией той этики, что была впервые возвращена в своей неповторимой культурной среде: искусственно, в полном гигантского риска эксперименте нельзя смоделировать условия возникновения такой этики в неведомых для нее культурных средах. Путь мимесиса для России заказан! Да и в той самой среде, где в свое историческое время зародилась этика успеха, уже произошли столь значительные перемены (напомним хотя бы о переходе от "этики характера" к "этике личности" и - далее - к возможным их синтезам), что культурам-реципиентам достаются лишь устаревшие модели достижения. Между прочим, то, что у нас привычно предпочитают именовать "западничеством", с сильно выраженными негативными коннотациями этого понятия, на поверку оказываются всего-навсего переодетыми и застарелыми отечественными пороками.

Подлинная этика успеха, несомненно, возникнет в России (собственно говоря, множество ее составляющих уже возникают, понятно, в различных темпах и масштабах). И, с одной стороны, она не будет чем-то принципиально нетождественным классическим образцам, протомоделям - с учетом происходящих изменений, иначе ее не имеет смысла именовать этикой успеха. Но, с другой стороны, впитав национальные традиции, ей созвучные, абсорбировав ряд свойств ментальности народа, она в то же самое время окажется *mutatis mutandis* чем-то иным, неизмеримо большим, чем простая аппликация универсальных ценностей на свод ценностей уникальных, на культурно-региональные традиции. Это проявится и уже проявляется в конфигурации ценностей российского варианта этики успеха, в принятых в ней схемах мотивации деятельности на успех, в эмоционально окрашенных символично-аллегорических формах восприятия как самого успеха, так и - особенно! - культуры успешной деятельности в различных сферах жизни общества, в ее мировоззренческих обоснованиях (что нам еще предстоит продемонстрировать на материале этики политического, предпринимательского, воспитательного успеха).

Между прочим, так и происходит на наших глазах, скажем, в странах азиатско-тихоокеанского региона, поразивших мир стремительным усвоением достижительных ориентаций и правил честной игры. При стратегически общем направлении движения своеобразие этики успеха оказывается здесь столь впечатляющим, что у наблюдателей невольно закрадывается крамольная мысль - а одну и ту же ли воплощенную в действии нормативно-ценностную систему они созерцают? Не стоит ли и в России, вместо того, чтобы призывать идти самобытным путем "агропромышленной" модернизации, не покидая при этом "священных" границ традиционной цивилизации, по примеру этих стран сконцентрировать усилия на обнаружении культурно-цивилизационной специфики формирования этики успеха, рассматривая такую этику в качестве "мотора" развития, разумеется, не упуская из вида и сохранение части традиционных ценностей, потенциала их включения в новый аксиологический контекст? Такого рода "симбиозы", "гибриды" разнотипных ценностей уже вызвали к жизни

многочисленные исследования по компаративистской политологии, целую суб-отрасль в этике бизнеса [34].

При цивилизационной атрибуции России важно учитывать не просто страноведческую эксклюзивность (какая страна в этом смысле обойдена по части эксклюзивности!?), а субцивилизационные и суперэтнические факторы, вытекающие из ее исторической судьбы, промежуточного социокультурного положения, ее уникальной геополитической диспозиции. Очень точно определено М. Гефтером: Россия - "мир миров", "страна стран".

С одной стороны, это обширнейшая система нескольких сосуществующих цивилизаций, "азиопность", "известность", "запад Восточности" - влияла близость к азиатскому миру с его всемогуществом государства, продолжающего и дополняющего природные, родовые отношения, с отсутствием выделенности социальной и политической сфер, с доминированием власти над собственностью, неразвитостью, рудиментарностью экономической и политической свободы, с духом всеобщего рабства, которому способны противостоять не сельские или городские общины, а лишь эзотерические социальные корпорации и этические религии, в результате чего там складываются и некоторые смутные прообразы этики успеха.

При цивилизационной атрибуции России акцентируется ее европейская "прописка". Здесь утвердился особый тип (или подтип) европейской, восточно-христианской цивилизации (хотя и с отчетливо выраженными чертами "азиатчины"). И дело заключается не просто в отсталости или в выпадении из общецивилизационного потока (хотя и то, и другое имеет место, с вытекающей отсюда необходимостью догоняющего развития, возвращения в данный поток). Скорее всего правы те исследователи, кто в самобытности данного типа или подтипа усматривает одновременно и дополнение западно-христианской цивилизации, и конкурентный противовес ей, что позволило в целом уравновесить весь организм саморазвития человеческой цивилизации в самом широком смысле этого понятия (хотя провоцируемые идеей уравнивания понятия "миссия" и "функция" носят историософический характер).

С одной стороны: отставание, периферийность, "сверхзаконная" деспотическая власть, когда государственности придается нравственно-метафизическая интерпретация; холопство и бесправие подданных, от которых ожидают экзальтированной жертвенности; девальвация человеческой жизни; патримониальность; преобладание не рыночных методов регулирования хозяйственной деятельности, а системы "дача-раздача", экстенсивного развития с мультипликацией однажды достигнутого. Обращают внимание на безоглядное подчинение церкви государству во всех его устремлениях, ее интеграцию в государственную машину, на сильный, но к несчастью внемирской аскетизм, отсутствие самостоятельных сословий (можно говорить разве что об элементах такой самостоятельности), на слабые гарантии от всевозможных смут, на отсутствие заслонов от интервенции архаических начал в массовое сознание.

Указывают на трудности с культурной самоидентификацией, что, возможно, и объясняет наличие "русской идеи" и потребности, как сказал один наш социолог, в "самоузнавании" - в отличие от стран, уже прошедших основные фазы модернизационного развития, погасивших данную потребность. Хотя, на уровне индивидуальном, потребность в культурной самоидентификации остается навечно, образуя импульсы к духовным, нравственным исканиям. В то время как в зоне классической цивилизации достижений сегодня интенсивно идут процессы ломки национальных границ и многообразных культурных синтезов, в

зоне только начавшегося утверждения такой цивилизации - в том числе и в России - лишь теперь забурлила национальная жизнь, и потому поиск национальной идентичности приобретает здесь необычайную напряженность. И этот коллективный поиск становится опасным, если выводит на этническую или этноимперскую идентичность.

С другой стороны, Россию характеризует близость к динамизирующему Западу. Здесь сказывается влияние - через Византию - античного наследия, христианского индивидуализма, принципиальные отличия русской поземельной общины от общины азиатской, конфронтация личностных и общинных (роевых, вечевых, соборных) начал. И, главное, идет сепарирование гражданского общества от сословно-статусного строя, переход от петиционного права к регистрационному, наращивание модернизационных процессов - несмотря на их волнообразный характер, на все откаты, рецессии и контр-реформы, на болезненную и вопиющую противоречивость прогресса (выражение "катастрофы прогресса" - отнюдь не риторический оборот). Здесь возникают учреждения представительной демократии, правового государства и формируются личные свободы как обязательные условия для складывания этики успеха.

Преодолевая мощную инерцию общинно-уравнительного, локалистского сознания, но и удерживая некоторые его положительные моменты (например, нормы артельности, осуждение стяжательства, ценность благотворительности и др.), начал формироваться этос деловых и профессиональных успехов и ответственности, сразу же по ряду показателей занимая продвинутые - по мировому счету - позиции. Правда, в целом весь процесс образования такого этоса был достаточно скромным, во многом еще поверхностным - общенациональное сознание, чувство социальной чести, статусной солидарности людей успеха, деловая честность и ответственность только начали вырабатываться, чему препятствовали неразвитость рыночных отношений в деревне, патернализм, протекционизм, искусственные ограничения конкуренции.

"Псевдоморфоз "

Возвращаясь к шпенглеровской идее о "псевдоморфозе", можно согласиться с теми, кто усматривает в истории России последних трех столетий малопродуктивные попытки реализовать догоняющую модель развития. При выборе такой модели страна всегда рискует оказаться в положении Ахиллеса из известной апории, тщетно пытающегося догнать черепаху. Эта модель в значительной степени характеризуется подражательным, прямолинейно-поверхностным и нетворческим характером заимствований. Присваиваемые здесь формы модернизированного бытия упрямо не желают корреспондировать со своим содержанием. Те, кто на словах выступают за ускоренную модернизацию, на деле препятствуют ей. В то же время те, кто, казалось бы, должны выступать против "заморского чуда" модернизации всех сторон жизни, оказываются способными объективно ей содействовать. Убедительным примером подобной инверсионности может служить этика русского старообрядчества [35]. Тем временем огромный энергетический потенциал, связанный прежде всего с гибелью крестьянского мира, не ушел в реформацию, а сработал как деструктивный фактор предреволюционных и послереволюционных лет, быстро продвинув - о цене мы сейчас не говорим - страну по пути индустриально-урбанистического развития, но осуществив при этом "патологическую модернизацию", выработав многочисленные *модели успеха*, но не создав *этики* успеха.

Радикальный перенос на наш скудный подзол рыночных и политических ин-

ституты либерально-западной, техногенной цивилизации и присущих ей моделей успеха (делового и всякого иного) не был - и в "розовую", преисполненную эйфорическими и романтическими ожиданиями стадию, и в последующие стадии современного реформирования - подкреплен соответствующими социокультурными смещениями и преобразованиями, соединением свободного рынка и права. В итоге в очередной раз была воспроизведена циклично-прерывная ситуация общества ("западники" и "почвенники", реформаторы и традиционалисты, либералы и коммунисты, рыночные и рыночные фобии и т.п.). Не произошло столь необходимого для главной эволюции всей общественной системы синтеза различных культурных пластов (в Западной Европе наблюдались синтезы в нескольких измерениях: христианство и язычество, сословные и индустриальные ценности, этосы рыцарства и буржуа и др.). Не был налажен социокультурный диалог сознания (или текста), активно усваивавшего рационализированные механизмы права и морали (их рационализация в России происходила одновременно или с небольшим опозданием с рационализацией производства и связей с природой, что, как мы помним, называют инструментальной рационализацией), с бунтующим подсознанием (или подтекстом), в дальних углах и подвалах которого сохраняли продленное бытие архаические пласты и традиционные ценности. В том числе общинно-соборного демократизма и этатизма, но отнюдь не рыночного и государственного демократизма. Это подсознание с легкостью отклоняет то, с чем выкладки разума предлагают безоговорочно согласиться. Оно продолжает испытывать неистребимую (во всяком случае, пока) тягу ко всякого рода мессианизму и социально-нравственным утопиям, к визионерству и мистериозности, к движению более по вектору пространства ("странничество"), чем по вектору исторического времени (солженицынское "обустройство").

Шансы для этики успеха

Каковы же при таком положении вещей шансы на укоренение в России этики успеха? На разные лады утверждают, будто наша страна в силу своей принадлежности к органическим, солидаристским, неиндивидуалистическим цивилизациям (или, скажем, субцивилизациям) не может принять в качестве "своих" рыночные отношения и институты представительной демократии, рациональную мораль и этику успеха, даже с учетом того, что невозможна всеобщая рыночная мораль, а рациональная мораль далеко не охватывает все виды человеческих отношений. Здесь преобладает *ценностно-рациональное* действие, но никак не *целерациональное* - как не соответствующее ментальности народа.

С небольшими оговорками исходный тезис подобных рассуждений о цивилизационной атрибуции России можно было бы и принять - сопроводившись он указанием лишь на прошедшее время. Ведь данный тезис означает не столько признание свойств нашей уникальной цивилизации, сколько объективное указание на универсальное свойство: все традиционные социумы, собственно говоря, принадлежали к органическим, солидаристским и неиндивидуалистическим социальным системам и многие продолжают оставаться таковыми и по сей день. Иначе говоря, такое качество присуще определенной стадии универсальной цивилизации (аграрной, "священной", традиционной, космогенной и т.п.). Значит, этот тезис не правомочен для *другой стадии* этой цивилизации (индустриально-урбанистической, светской, техногенной и т.п.). И вывод о преобладании ценностно-рационального действия опять-таки тоже может быть

принят с аналогичной оговоркой. Хотя, в этом случае, точнее было бы говорить о преобладании просто традиционного социального действия (все это в веберовской терминологии).

Обсуждая версию о неиндивидуалистическом характере нашей субцивилизации, скажем, что вопрос об индивидуализме у нас все еще как бы табуирован, отрицательно заряжен в ценностном плане. Между тем рациональная мораль и тем более этика успеха ориентируют не просто на личный интерес, если под ним понимать элементарное своекорыстие. Стоит отличать понятие "*личный интерес*" от более разностороннего по части содержания понятия "интерес личности". Индивидуализм непосредственно связан с интересом личности, то есть с ее стремлением к самореализации, самоопределению, к свободе выбора, инициативности, к трудолюбию, что как раз и закодировано в нормативных и мировоззренческих гранях этики успеха. По отношению ко всему этому "личный интерес", стремление к максимализации доходов и собственности - не более чем средство. И такие средства сами по себе в решающей степени оказываются результатом экономической и политической свободы личности, результатом ее трудолюбия, непоказного интереса к делу (Делу) - именно все это и заряжает энергетику достигательно ориентированной личности.

Не оправданно рассматривать индивидуализм в качестве продукта распада социальных связей, атомизации личности, как нечто несовместимое со стратегией сотрудничества, кооперативности, социального партнерства. Подобный взгляд, пожалуй, можно отнести к числу предрассудков скорее всего лингвистического происхождения, хотя те или иные стороны жизни маркетизированного общества тоже подпитывают подобные воззрения. Индивидуализм совместим как с конкурентной стратегией поведения, с соперничеством (но по честным правилам рациональной морали и в контексте "мягкой", не направленной на уничтожение соперников конкуренции), так и со стратегией сотрудничества, взаимопомощи.

На наш взгляд, не верно было бы считать, что при сотрудничестве мы имеем дело с ценностно-рациональным действием, тогда как при конкуренции сталкиваемся с действием целерациональным. Оба вида социального действия взаимопроникают и различаются разве что артикуляцией в том и другом случае. Взаимоотталкиваются же они тогда, когда индивидуализм и коллективизм выходят на крайние позиции. С одной стороны, такого рода крайняя позиция представлена в аутизме, отъединенности, эгоцентризме, когда "другой - это ад" (по давнему выражению Сартра), когда он "чужой", "враждебный", чуть ли не "антропоморфно другой", а вовсе не "друг" (вспомним формулу Мигеля де Унамуно, удачно переиначившего старинный афоризм Теренция: "я человек, и никакой другой человек мне не чужд"). С другой - в казарменном коллективизме, принудительно объединяющем людей, которые по историческому счету либо созрели к индивидуализации, к самоопределению, к отказу от социального опекуна во всех его видах, либо подошли лектив как в несвободную корпорацию, навязывают опекуна, в том числе и нравственное.

Национальная модель этики успеха: версии

От характера взаимопроникновения и отталкивания индивидуализма и коллективизма в значительной степени зависят свойства национальных моделей рациональной морали и этики успеха. В одних случаях делается большая ставка на кооперацию, на интересы общности, но со значительными пережитками традиционного действия (Россия, Япония, страны конфуцианской цивилизации

и др.) В иных случаях производится больший крен в сторону индивидуализма и конкурентности, что - подчеркнем еще раз - вовсе не исключает готовности к кооперации, к коммунизму, урбанизированной общинности™. Здесь сильнее выражена идеосинкрязия ко всякой регламентации, ограничению "свободы рук", но при том уберегается устойчивая верность моральному порядку, нормам рациональной морали, ценностям этики успеха, ее дозволениям и запретам.

В одних версиях этики успеха заметен акцент на дисциплину труда, на отказ от эвдемонистических мотивов и избыточного потребления. В других - на "хозяйственные добродетели", на ощущение удовлетворенности от исполненного долга в границах профессионального призвания, экономической самореализации агентов рынка как самостоятельной жизненной ценности.

В одних случаях, если прислушаться к убедительным суждениям Ханны Аренд относительно отличий между французской и американской революциями XVIII века, субъектом этики был, скорее, человек, нежели гражданин, свобода которого основывалась на его правах и на публичном счастье (а это неминуемо вело к "якобинизации революционности"), в других - скорее, гражданин, нежели просто человек, и свобода его покоилась на принципе участия в общественной жизни и на защите личного счастья, что играло существенную роль в блокировании насилия, террора, в "деякобинизации революционности". В первом случае наблюдалось последующее снижение значимости стремления к экономическому (индивидуальному или групповому) риску, к различного рода инновациям, к гражданской самодеятельности. Они ограничивались централизованной политической властью. Во втором случае механизм гражданских инициатив, ответственности, риска, конкуренции запускаясь на полные обороты, преодолевались, где только было возможно, регламентационное иго государственного и церковного чиновничества. Это предопределило модели этики успеха, которые впоследствии сформировались в различных регионах американо-европейской цивилизации.

Аксиологический маятник

Что касается России, то социологические исследования последних лет (не связанные с заказами различных политических сил и потому вызывающие доверие) показывают, что здесь еще не произошел выбор в пользу той или иной модели этики успеха. Такое состояние довольно точно определяется как духовно-нравственная неопределенность [36; 37]. Речь идет о "чуде" сосуществования индивидуализма с коллективизмом в одной почти мефистофельской душе. Не в том смысле, что ничто человеческое этой душе не чуждо (и не в духе архаического коллективно-бессознательного К.Юнга и неистребимого для него раскола сознания личности), а в том, что синтеза до сих пор не произошло, во всяком случае в необходимом объеме и с глубоким эшелонированием.

К тому же данное обстоятельство плохо отрефлектировано: люди сами не ведают того, как, каким образом в их сознании и поведении уживаются столь гетерогенные начала. Самоидентифицируя себя как ординарных, "простых людей" и используя иные мифологемы относительно самих себя, они способствуют снижению уровня ответственности и перед самими собой, ближними и, тем более, перед дальними, - в этом и без того запутанном, слишком сложном мире трудно такую ответственность уяснить и очень легко ее "сбросить". В свою очередь, такая самоидентификация позволяет "простым людям" легити-

мизировать самих себя в роли благоразумно избегающих крайностей (включая ориентации на "какой-то" неведомый успех, который предварительно не был верифицирован с позицией патернализма). Поэтому-то поведение такого ценностного "тяни-толкая" - "индивидуально-коллективистского" человека в каком-то отношении вполне рационально (причем и целерационально, то есть не плохо сориентировано на личные интересы, и ценностно-рационально), а в другом отношении оказывается вполне традиционным. "Абсолюты" традиционализма, лучше сказать - советского ретрадиционализма, противостоят с "абсолютами" рациональности и модерна. Не развиты скромные "релятивы", промежуточные звенья, стабилизаторы сознания. Есть "высшая" и "профанная" мораль. Но между ними зияет пропасть, ибо не получила развития, так сказать, "средняя" мораль, тесно связанная с формализованным правом.

В итоге наблюдаются постоянные колебания аксиологического маятника, всевозможные шараханья, прорывы и откаты не только в истории страны, но и в нравственной жизни отдельного человека. И эти колебания откладываются в его нравственных качествах: идут, минуя "золотую середину", смещения от активизма - к пассивности, от энтузиазма - к апатии, от покорности властям, судьбе, общине - к бунтарству против них всех, от легковерия, наивности и доверчивости - к хитроманству, неразборчивому негативизму, от святости - к греховности (вспомним афоризм К.Н.Леонтьева: русский человек может быть святым, но не может быть просто честным), от высокого - к низкому, от готовности трудиться в критические моменты производства до седьмого пота (а в этом, полагал В.О.Ключевский, в Европе нет равных русскому человеку) до длительных приступов меланхолии, хандры, затяжного безделья. Затруднения связаны с дефицитом умеренности, равномерности трудовой активности, вообще с мерой - Россия была и, по всей вероятности, остается страной крайностей, стремления во всем достигать последнего предела (Д.С.Лихачев), "огненной неистовости в желании немедля утвердить небо на землю" (В.В.Шульгин), что поставляло излюбленные сюжеты как для отечественной трагедии, так и для юмористики. И колебания такого маятника усиливаются в Смутное время.

"Рандеву" этики успеха с российской ментальностью

Несмотря на всю неопределенность духовно-нравственной ситуации в стране, есть основания думать, что у нас происходит постепенное отступление традиционализма и казарменного коллективизма, которые блокируют достигательную деятельность, погашают ориентацию на личный (и даже коллективный) успех, препятствуют утверждению гражданских прав и контрактных отношений, принципа разделения властей, несогласия с идеократическими началами и патерналистскими предпочтениями, которые создавали устойчивый каркас для привычных матриц ценностных суждений, для всего морального "кода" общения. Немалую роль (не во всем положительную) в таком отступлении сыграли развившиеся еще в доперестроечное время потребительский индивидуализм, бюрократический рационализм и десинкретизация ценностного мира как условия повышения эффективности деятельности внутри специализированных подсистем модернизирующегося социума, укрепления ответственности за последствия собственных поступков.

Наметилось, впрочем, не просто безвозвратное вытеснение традиционализма с его уже давно подорванных в этом ценностном мире позиций. Выявились предпосылки для его сближения с модерном, сближения ценностей внешнего успеха с успехом "внутреннего делания" ценностей либерализма и демо-

кратизма. Путь к этому оказался извилистым и полным всяческих перекосов. Остались и останутся различия между целерациональными и ценностно-рациональными действиями. Но теперь, в ситуации преодоления крайностей как индивидуализма, так и коллективизма, они перестают быть взаимоотталкивающими, так как и те, и другие действия стали предполагать взвешивающую стратегию поведения с оглядкой на последствия, требовать рационализации выбора (хотя при ценностно-рациональном действии не наблюдается непосредственной ориентации на успех и мы имеем здесь дело с неполной рациональностью - ввиду иррациональности предзаданной по своей природе ценности и отсутствия "управления ситуацией") и, соответственно, минимизации импульсивности поступков "по убеждению". Разумеется при сложной, многоуровневой мотивации поступков остается естественное место для проявлений чувственной стороны морали, для "доброй воли". Этого требует верность нормам этики успеха, правилам честной игры, кооперативности действий, преданности своему жизненному призванию и самореализации, "безадресному альтруизму", солидаристским ценностям.

Не следует думать, будто рациональная мораль - исключительно объясняющая, исчисляющая этика, но не этика понимающая. Рациональная мораль предполагает не использование, а постижение Других в непосредственном общении с ними, в диалогической коммуникации. "Рациональное поведение, - пишет британский социолог Зигмунд Бауман, - не разъединяет людей, а, наоборот, объединяет, потому что каждый раз совершаются действия, которые точно придерживаются логики, вычислению, просчетам и альтернативам. И, наблюдая за действиями человека, можно постичь смысл этого действия, потому что само действие - это лишь средство для достижения цели. Таким образом, не обязательно быть в духовном родстве с человеком, чтобы понять смысл его действия... Хотя, как бы мы ни были расчетливы и рациональны, наши действия редко освобождены от влияния привычки или наших чувств" [38, с 18-19].

Данные тенденции фиксируются в различных социологических исследованиях, которые обнаруживают существование продвинутых групп населения (все более многочисленные "островки", уже образующие "архипелаг", но еще не слившиеся в "континент") с развитой коммуникативной рациональностью в поведении, с освоенными достигательными ориентациями [39]. Они воплощают умеренные формы индивидуализма и солидаризма, предрасположение к нескончаемому дискурсу по поводу правил поведения на всевозможных поприщах успеха. В то же время они воплощают результат усвоения норм и ценностей этики успеха в такой степени, что уже можно разглядеть - пусть и размытые - контуры, неясные прообразы российского варианта национальной модели данной этики.

Предугадать итоги "рандеву" универсальных ценностей модернизма с культурно-региональными свойствами российской ментальности, которая сама неоднородна, нельзя. Ведь это рандеву - акт культурного творчества, а не просто сложения или "склеивания" ценностей; здесь вся суть скорее всего в детализации, в богатстве нюансов. Это тот самый случай, когда история сначала делается, а лишь затем пишется, а потому метод "воспоминаний о будущем" здесь совершенно неуместен. Известно, что самые существенные переломные события в истории были маловероятны, а жизнеспособный диалог культур всегда имеет непредсказуемые результаты. Каким окажется российское единственно универсальностей и уникальностей неведомо никому.

Тем более, что модернизационные процессы, как теперь становится все более очевидным, оказываются внутренне дифференцированными в различных культурных ареалах, образующих широкий спектр или контекст для интерпретаций таких ценностей этики успеха, как свобода выбора цели и способы самореализации личности, партнерства и т.п. Когда очень сильно хотят угадать черты некоей модели этики успеха - не располагая для этого достаточным числом чуть ли не нотариально заверенных актов, в итоге лишь создают новую Утопию со своей системой экспрессивных образов и символов. Такая Утопия, конечно, не пустышка, так как выражает стихийно-эмоциональные протесты масс против "паршивой" реальности, против непонятного, незнакомого и угрожающего им мира и в этом смысле заслуживает не третирования, а самого пристального внимания исследователей. Но она же становится крайне опасной, когда превращается в идеологический Проект. Как сказал один наш социолог, надлежит избрать "смиренный" путь следования за изменениями в ценностном мире, безропотно идти за фактурой.

Идея успеха на родине Ивана-дурака

Поборники идей о непреодолеваемой "чуждости" этики успеха относительно именно российской ментальности и, естественно, об абсолютной ненужности "прививки" изображают дело таким образом, будто этике успеха здесь предстоит пришвартоваться к новым и совершенно неведомым берегам, что "успех", обретаемый собственными усилиями, ориентация на достижения, готовность к риску, индивидуальной ответственности, интенсивные личностные стратегии поведения, умение "вертеться" (в положительном смысле этого понятия, т.е. при стремлении вести при этом "честную игру") даже "не ночевали" в этой ментальности, которая жестко противопоставляет "нации прагматиков" "нацию идеалистов". В таком противопоставлении обнаруживается множество парадоксов. К одному из них мы и обратимся. Обратимся мы к нравственному опыту народа.

Сколько раз уже в наши дни возникали надежды на коррекцию, которую можно было бы извлечь из сравнения того, "что народ сам о себе говорит, с тем, что о нем предполагают поводыри-наездники". И вот "бессмертные заповеди национального героя" в сказках об Иване-дураке комментируются в антипрагматическом духе. Так, в сказке "Сивка-бурка" обращают внимание на то, что место "народного фаворита" было на печи - в то время, как братья его вели хозяйство и торговали. Но не трудолюбивым братьям, а именно Иванушке отец отдал Сивку-бурку, что позволило Ивану стили жизни не менять, добиваясь успехов волшебным путем. В сказке "Иван бесталанный и Елена Прекрасная" выделяют такое сообщение о главном герое: "Всякое дело у Ивана из рук уходит, всякое дело ему не в пользу и не в прок, а все поперек". В сказке "По щучьему веленью", где он бездействует под псевдонимом Емеля-дурак, колются сами собой дрова, таскается вода, ездит печь, свергаются цари и строятся каменные дворцы с золотой крышей. А в итоге зажил он с красивой бабой на берегу моря назло "примерным" работающим братьям. Вывод современного публициста: "...русский крепок на трех сваях: авось, небось, да как-нибудь. Поэтому, когда очередной отечественный мечтатель уверяет, что наш человек стосковался по серьезному делу, что надо только слегка раскрепостить его дремлющую энергию - и пойдет лесорубка, я слышу лукавый Емелин шепот: "Это зачем? Мне и на печи тепло, я вас всех и с печи вижу! Полезный нашатырь от иллюзий..." [40].

Трудно не понять воспитательной намеренности в весьма односторонней интерпретации образов русских народных сказок. Критическая трезвость в понимании нравственных традиций - условие верного диагноза и прогноза возможных сценариев реформ. И основания такой намеренности - в осознании большой значимости культурных стереотипов. Однако нельзя забывать о существовании весьма *разных* интерпретаций отечественных традиций. В фольклорной мудрости заложена парадоксальность: речь может идти о том, что нравственное сочувствие и сказителя, и читателя связано с теми общечеловеческими качествами народного героя, которые у "человека дела и успеха" попадают в зону повышенного морального риска именно благодаря специфике Дела. Ведь в традиционном народном сознании Иванушка отпускает Сивку, а Емеля - рыбку не корысти ради ("я тебе отслужу"), а из жалости, по доброте душевной.

Что касается антипраксиологической интерпретации этого образа, то она не столь уж самоочевидна. Этот образ и допускает отношение к нему как человеку, "обреченному на успех". Специальные филологические исследования выдвигают версию, согласно которой Иван - дурак "воплощает особую сказочную стратегию", которая исходит из собственных - нестандартных - решений, нередко противоречащих здравому смыслу, а сказки, в которых Ивану-дураку "просто везет", оценивают как "результат определенной вырожденности" [41, с.225-226].

Парадокс метафизики успешной деятельности в образе Ивана-дурака многогранен. Первый вариант: он выполняет поручения "в соответствии с его "глупостью", крайне неудачно - кормит клецками свою собственную тень; выдирает глаза овцам, чтобы они не разбежались; солит реку, чтобы напоить лошадь и т.п. Второй вариант: он применяет правильные знания неадекватно ситуации - танцует и радуется при виде похорон, плачет на свадьбе и т.п.. Третий вариант: кажущиеся бессмысленными и бесполезными поступки Ивана-дурака раскрывают свой смысл в дальнейшем - отправившись служить, чтобы выбраться из нужды, он отказывается при расчете от денег и просит взять с собой щенка и котенка, которые спасают ему потом жизнь и т.п. Есть и инвариант этой метафизики успешности в моделях поведения Ивана-дурака: "С помощью волшебных средств и особенно благодаря своему "неуму" Иван-дурак успешно проходит все испытания и достигает высших ценностей" [41, с. 226].

Принимая эту версию мифологемы, вполне можно предположить создание по сказкам об Иване-дурачке не менее полезной книги жизнеуспеха, чем у Дейла Карнеги. Разумеется, в сказках о нем нет образа "делового человека", но и нет в них априорного приговора отечественной этике успеха, оснований для утверждения об абсолютной моральной неприкаянности российского человека дела.

Не об ангельской чистоте, но о нравственном полифонизме образа идет здесь речь, о многоцветье добра и зла, бескорыстия и пользы. И тридцатитрехлетнее сидение Ильи Муромца на печи, и коэффициент интеллектуальности Иванушки-дурачка с точки зрения, например, американских критериев, оцениваются вполне однозначно. Однако необходима поправка на различия в мировоззренческих пластах морали, в смысложизненных измерениях морального выбора. "Есть у американцев, пусть они не обижаются, - замечает А.Васинский, - какое-то простодушное убеждение, что с любой сложностью можно справиться, если владеешь методикой ноу-хау. Известный сердцевед Дейл Карнеги, книги которого и у нас раскупаются втридорога, обнаружил именно эту амери-

канскую самоуверенность. Достаточно сравнить, что он вскользь написал о бегстве Толстого и что написали на эту тему Мережковский или Шкловский, чтобы понять, о чем идет речь. Представляю, что мог бы написать Дейл по поводу неадекватного поведения и состояния духа нашего Феде Протасова, героя толстовского "Живого трупа". Так и видишь, как умный прагматик трезво апеллирует к здравому смыслу Феде, учит его аутотренингу "против тоски и депрессии", тестам на умение расположить к себе окружающих и находить себе друзей, и как Дейл постепенно теряет терпение, видя, что этот русский (Федя) не усваивает его ясные, бесспорно, идущие на пользу советы и даже не слушает его, а рассеянно смотрит куда-то в русскую даль и даже находит в своей тоске какое-то странное варварское оправдание..." [42].

Лекция шестая
ЭТИКА УСПЕХА
В КОНТЕКСТЕ ПОСТ РАЦИОНАЛЬНОЙ МОРАЛИ

...И сегодня другой без страховки идет.
Тонкий шнур под ногой. Упадет - пропадет.
Вправо-влево наклон - и его не спасти,
Но зачем-то ему тоже нужно пройти
Четыре четверти пути.

В.Высоцкий. Канатоходец.

Инвективы или надежды?

В то время, как мы обсуждаем пути и перепутья модернизационных процессов в России, вся индустриально-урбанистическая цивилизация неумолимо вползает в полосу затяжного кризиса, который является прежде всего кризисом духовным, моральным. Апологеты цивилизации достижений, как за рубежом, так и в нашем отечестве, вряд ли рискнут оспорить такой диагноз, так как симптоматика кризиса слишком очевидна и выразительна.

Другое дело, что показания к такому диагнозу и, тем более, к соответствующей терапии, участники своеобразного этического консилиума могут связать с инвективами именно по адресу этики успеха. Уж не она ли, злодейка, и завела в тупики нравственное развитие беспечного человечества, совращенного соблазнами технического могущества и потребительского изобилия, к созданию которых эта этика, безусловно, причастна?! Не ей ли мы обязаны подрывом основ духовности, соборности, эгалитаризма в социалистическом или общинном духе?! Или, напротив, связать эти показания именно с надеждами на то, что этика успеха как мотор достижения сама в себе содержит возможности спасительного для нравственности самообновления, содействуя модернизации и переходу к информационной цивилизации, неоклассическому гражданскому обществу?

Так или иначе, но в современной России думающие люди озадачивают себя нелегкими вопросами: следует ли нам с таким напряжением продвигаться и далее по пути модернизации, усиливая тем самым кризисные явления в общественном сознании? Избыток или недостаток ценностей этики успеха создает мучительные проблемы для цивилизации в целом, для нашей страны - тем более? Надлежит ли нам идти дорогой поддержки этики успеха, если даже "там" она столь явно демонстрирует свою органическую связь с кризисными явлениями, оказывается каким-то образом сопряженной с моральными потрясениями, поразившими всю цивилизацию? Годится ли этика успеха в "маяки" для страны, где сегодня преобразуется весь духовный ландшафт? Не окажется ли она очередным социальным миражом, фата морганой, не приведет ли нас в тупик лабиринта - вместо того, чтобы послужить спасительной ариадниной нитью?

К тому же, особенностью современной российской ситуации, как уже говорилось, является духовно-нравственная неопределенность, не в последнюю очередь обусловленная одновременным функционированием сразу трех нормативно-ценностных систем, представляющих, хотя и не буквально, "три морали" (мы не случайно взяли это выражение в спасительные кавычки), но последовательно возникшие и одновременно сосуществующие фазы исторического развития общественной нравственности, ее трихотомии. А такое одновремен-

ное их функционирование отличает состояние разбалансированности, даже конфронтационности взаимоотношений между двумя первыми системами и всего лишь пренатальное состояние - третьей. Трудно в этом случае говорить не только о каком-то продуктивном диалоге между разнокачественными нормативно-ценностными системами, но даже об их толерантности, о способности к взаимодействию и взаимоуважению, что является - как мы попытаемся показать ниже - обязательным условием развития третьей системы.

Такая ситуация разлада в духовной сфере не может не получить резонанса во всех других сферах или сторонах жизни общества и тогда, по гегелевскому выражению, причины и следствия коварно меняются местами: моральный кризис продиктован кризисом экономическим, политическим и культурным, а в свою очередь он подпитывает кризис в области морали. Предпочтение этики успеха на фоне повышения социальной цены реформ стало раздражать как элиты общества, так и его массы в такой мере, что всем этим пренебрегать уже просто невозможно. Обостряется сформулированный нами в первой лекции вопрос: а кому, собственно говоря, служит у нас сегодня этика успеха? Всеми ли обществу? Или лишь "жирным котам", привилегированным его группам?

Современная цивилизация: моральный кризис и моральное обновление

Попытаемся обдумать все эти серьезнейшие вопросы. Заметим вначале, что моральный кризис, вопреки ходульным мнениям, не просто хаос, распад мира ценностей, тем более не полное "вымирание" морали. Это не развал нормативно-ценностной системы общества, а растянутый во времени - иначе просто не может быть - и необычайно трудный процесс обновления, если угодно - перестройки данной системы. Это время проявления не только деструктивных тенденций в нравственной жизни общества, но и накопления контртенденций, с которыми связаны обнадеживающие перспективы.

Если быть лаконичными, можно сказать так: явственно обнаружилось пределы для продвижения процессов модернизации как вширь, так и вглубь. И это определяет границы существования нашей цивилизации. Ее дальнейшее беспрепятственное и слабоконтролируемое развитие, неразрывно связанное с ним функционирование рациональной морали вместе с этикой успеха (в бизнесе, политике, профессиональной деятельности, в социальной педагогике) предполагало бы признание нескольких допущений.

- Что качество рыночных механизмов способно чуть ли не само по себе приближаться к совершенству и быть саморегулятором почти всех общественных отношений (маркетизация общества).

- Что в распоряжении нашей цивилизации имеется неограниченное обилие ресурсов и существуют возможности для экспоненциального роста общественного производства в результате суммирования всех видов достигательной деятельности и не будет допущено прогрессирующее ухудшение качества жизни.

- Что это безукоризненным образом способно содействовать общественному благу даже в неблагоприятных условиях ресурсных дефицитов.

- И что, стало быть, нет никакой необходимости вносить радикальные изменения в нормативно-ценностную систему общества, во все ее подсистемы (политическую, предпринимательскую, воспитательную и т.п. этики).

Увы, практика свидетельствует об обратном: все эти допущения носят произвольный характер. Перед лицом опыта трагических потрясений XX столетия, нарастающих мировых угроз речь, по существу, идет о кризисе техноген-

ной цивилизации, в том числе, повторим, и о моральном кризисе, что в полной мере относится к рациональной морали во всех ее ипостасях. И уже не первое десятилетие идет процесс осмысления морального кризиса и интенсивных поисков выхода из него: прославленные в наших палестинах сакраментальные вопросы "что с нами происходит?", "кто виноват?" и "что делать?" отнюдь не монополюльно принадлежат лишь России.

Трактуется моральный кризис на множество ладов: сколько существует в мире идеологий, столько и способов критики цивилизации. Больше всего обращают внимание на контрасты техногенного развития, когда производственные, технологические, организационные, информационные достижения удивительным образом сосуществуют с ростом отчуждения, с актами вандализма и терроризма, с "откатом" трудовой морали, с утратами в сфере смысложизненных значений. В казавшихся естественными принципах всеобщей полезности и безостановочной экономической экспансии (в чем, напомним, отнюдь не последнюю роль играет укорененная в нравах ориентация на успех, которая поэтому несет свою долю ответственности за прозаичность и потребительство "довольного сознания", за грех сытости, за пуританское ханжество, воинствующее мещанство) обнаружилось зияющее брешу. Стало ясно, что названные мегатенденции не просто навязаны обстоятельствами, но и являются одновременно результатом *свободного выбора*. Выбора, который всегда присутствовал в прошлом, приобретая драматический характер в точках бифуркации развития. Выбора, амплитуда которого необычайно возросла при исходе из одной - техногенной - цивилизации и вхождении в коридоры перехода к другой - информационной, постиндустриальной.

Политические и культурные лидеры наперебой предлагают свои рецепты и варианты программ выхода из кризиса - немыслимо даже представить панораму всех аналитических описаний кризиса и проектов выхода из него, перехода к новому мировому порядку, к перестроечной нормативно-ценностной системе глобальной цивилизации.

Со своей стороны, мы полагаем возможным говорить о том, что нравственное развитие человечества вступило в какую-то новую фазу, достигло в этом развитии новых рубежей, обрело новую аутентичность, и в связи с этим, о возникновении в мире и в России *третьей* - "*пострациональной*" - морали, в которой производятся как переоценка ценностей, так и обновление самих регуляторных механизмов. Нет спора, что можно как-то иначе обозначить происходящие на наших глазах парадигмальные сдвиги в таком развитии, в осознании кризиса и поиске способов выхода из него (в чем-то сходные термины предлагают у нас исследователи нравственности, например, Н.Моисеев, А.Назаретян, А.Зотов и др.). Но в логике предшествующего изложения нам кажется уместным именно такое обозначающее выражение.

Нравы постсовременности

Ошибочно было бы думать, будто пострациональная мораль и есть нравы постмодерна, новейшего времени. Как некий целостный конструкт она исходит из позитивных тенденций этоса и этики успеха, а потому просто не может буквально совпадать с нравственными реалиями общества. В этом обществе уже осуществились модернизационные процессы и в связи с этим зримо проявляют себя и негативные, разрушительные тенденции, берущие начало в достижительной цивилизации и ведущие к моральному вакууму, аксиологическому коллапсу.

Так идеи призвания, ценности трудового, профессионального, делового успеха подрываются усилением имморального потребительского духа со свойственными ему жизненными стилями (вульгарно-прозаический, эстетизированный и анархический неогедонизм) и бездушным бюрократическим рационализмом. Они приводят обитателей постмодернистского социума к утрате идентичности, к ощущению иллюзорности всяких социально значимых успехов, к позициям крайнего индивидуализма. Все жизненные успехи легко фрагментируются, обретают качество беспорядочности, не образуя при этом устойчивой и динамичной жизненной стратегии. А без нее невозможно говорить об этике успеха с ее интенциями решительности, постоянства, напряженного и упорного продвижения к генеральным жизненным целям.

В самом деле, при чем тут этика успеха, если сам успех оказывается чем-то эфемерным, мимолетным, ускользающим, лишенным цементирующих его структур? И то, что еще недавно, в начале века, завершающего второе тысячелетие, было присуще небольшим маргинальным группам, к концу того же века обрело все признаки массовости, что и приводит к резкому усилению тенденций морального отчуждения, к росту цинизма, показного благочестия, разрыву социальных связей, дегуманизации человеческих отношений.

Те, кто оказались в эпицентре жестокого морального кризиса, тем не менее постоянно стремятся к некоторому моральному равновесию, испытывают побуждение верить в разумность своего поведения и образа мыслей, нацеленных не столько на успех как целостный феномен, сколько на отдельные, разрозненные его компоненты, связанные с потребительскими заботами, и для них уже нет иного ада, кроме как неудачи или даже просто осложнения в их потребительских устремлениях. Естественно, что успех и этика успеха помещаются по ту сторону таких устремлений.

Однако искомое моральное равновесие оказывается трудно достижимым и его удается создать лишь искусственно, как отмечал еще П.А.Сорокин, путем *снижения моральной требовательности* к самому себе: представления о должном и возможном посредством их девальвации приводятся в соответствие с реалиями поведения. Потребительски ориентированная личность обнаруживает, что слепой рок подмывает континент, где она что-то может сделать, испытать положительную ответственность за содеянное или упущенное. И на этой стремительно убывающей территории ей кажется достаточным сделать ничтожно малое, чтобы выйти из щекотливого положения и ощутить себя выполняющей свой долг самым исчерпывающим образом. В избытке наделенная самодовольством, она достигает равновесия при помощи отнюдь небезупречных средств.

К желанному равновесию она устремляется путем *ограничения сферы применения моральных оценок*. Она готова быть строгой лишь к прегрешениям в области фамилистических отношений (семейных, приятельских, соседских), но снисходительна в сфере стыковки личного и общественного долга. Ей представляется возможным обрести ощущение своей порядочности без особых усилий: помогая родственникам, своевременно погашая потребительскую задолженность, в срок выплачивая карточный долг, полагая, что тем самым она исчерпала круг своих обязанностей. И если далее простирается мир, в котором любое утверждение о моральности сомнительно, в нем, следовательно, можно действовать так, будто здесь вообще нет морали.

Правда, и в той узкой сфере не все столь просто и ясно, как представляется. Подобная личность и там ведет себя не лучшим образом, пропитывая "фа-

милистические" отношения не столько заботливостью, сколько гедоническими соображениями. "Человек для себя" находит равновесие в скрупулезном исполнении принятых ритуалов и требований, убеждая себя в том, что он тем самым устранил "моральные неликвиды". На скорую руку согласовав побудительные начала с нормативными установками, превратная совесть такого человека оправдывает погоню за мимолетными наслаждениями и сегментированными "успехами". В такой ситуации даже добродетели неуловимо переходят в порок еще не будучи доведенными до крайностей. И тогда все предписания этики сводятся к рецептам самовнушения довольства, к "фелицитологическим" программам.

Автор вышедшей в 1993 году в Оксфорде книги "Этика постмодерна", уже упомянутый нами З.Бауман, полагает, что на смену человеку прозаического классического модерна, лишённого выбора между геройством и святостью (т.е. между этосами рыцарства и монашества), пытающемуся вместе с тем рефлексировать о пройденном жизненном пути с точки зрения призвания, назначения, духовной миссии, чтобы узреть в этом целенаправленное развитие, приходит человек постсовременности, который совсем по-другому мыслит и чувствует. Гвоздь его жизненной программы - не построение, раскрытие, изобретение идентичности, но избегание всякой фиксации социальных места, времени, позиции. Метафорой его стратегии служит фланер, бродяга, турист и игрок. Если человек модерна отличался склонностью либо перекладывать моральные обязательства с личности на конституируемые и управляемые обществом организации, либо рассеивать ответственность в глубинах бюрократического правления, то человек постмодерна - и мы снова отсылаем к П.Сорокину - вообще отказывается от любых устойчивых сетей взаимных обязательств и обязанностей.

В одной из своих статей З.Бауман формулирует пять негативных житейских правил отсутствия стратегий действия, которые образуют, как нам кажется, своеобразную *антиэтику успеха*. "...Не планируй слишком длинных путешествий - чем короче путешествие, тем больше шансов его завершить; не допускай эмоциональной привязанности к людям, которых встречаешь на транзитных перекрестках, - чем меньше будешь придавать им значения, тем меньше тебе будет стоить расставание; не допускай слишком сильной привязанности к людям, месту, делу - ты не можешь знать, как долго они продлятся и как долго ты будешь считать их достойными своих обязательств перед ними; не смотри на свои оборотные средства как на капитал - ценность сбережений быстро падает, и перевозносимый некогда "культурный капитал" имеет свойство во мгновение ока превращаться в культурный убыток. А кроме того, не откладывай удовольствие, если можешь получить его сейчас. Ты не знаешь, каким ты станешь потом, ты не знаешь, доставит ли тебе *удовольствие* завтра то, чего хочешь сегодня" [43].

Все сказанное позволяет вернуться к исходному тезису: понятия "пострациональная мораль" и "нравы постсовременности" трактуют о разных предметах, взаимодействующих разве что "по касательной".

Пострациональная мораль: новая судьба этики успеха

Пострациональная мораль, как мы ее себе представляем, не воплощает какой-то авангард в туманном ценностном мире. Ей не предстоит вытеснить предшествующие "морали" куда-то на обочину нравственной жизни общества, просто пойти за ними во временной линейной последовательности или стать

каким-то приращением к ним. Она определенным образом "надстраивается" над ними, видимо, по законам спиралеобразного движения и ей предстоит искать и обрести особые способы сосуществования с предшествующими фазами развития. Причем на равных основаниях, без снисходительного взирания на "отставших", "мизерабельных", "социальных призраков".

Лучше всего пострациональную мораль, пожалуй, можно бы охарактеризовать в духе принципов *дополнительности* и аксиологического *плюрализма*. Она ставит в один ряд как приверженцев этики успеха, так и тех, кто в большей или меньшей степени предпочитают уклоняться от подобной ориентации по каким-то нравственно-мировоззренческим мотивам (или по таким вполне прагматичным резонам, что они без труда способны получить нравственное одобрение). Она против того, чтобы уклоняющихся от ценностей и норм этики успеха как-то клеймить, дискриминировать, отодвигая на обочину нравственной жизни.

В изменяющемся обществе, конечно, не исчезает потребность в универсальных моральных нормах, но удовлетворяется она не за счет ограничений для иных, в том числе культурных, ценностных ориентаций. (Кстати говоря, почти повсеместно поворот в сторону универсализации норм на основе рационализации жизненного процесса, по-видимому, плохо справляется с проблемой взаимодействия с нарастающим влиянием этнонациональных культурных образцов, что остро ощущается не просто в России в целом, но и в отдельных ее регионах.)

Не улетучивается, как дым, и потребность в инновациях и инноваторах, в людях, обращенных лицом к ценностям успеха, восприимчивым к новшествам, не происходит отказа от фундаментальных ценностей демолиберализма (с многочисленными поправками по поводу некоторых отрицательных практик либерализма и демократии). Но смещения в самой этике явно происходят. Так, пострациональная мораль побуждает к ревизии установившихся взаимоотношений между ценностями делового и профессионального успеха, между этими ценностями - и ценностями жизненного успеха. И те, и эти определяются по различным основаниям и измеряются по разным критериям с неодинаковым соотношением в них объективных и субъективных начал.

По-новому пострациональная мораль подходит и к личностной проблеме соотношения целерационального и ценностно-рационального типов социального действия. В этой веберовской классификации, как мы уже отмечали, в первом из этих типов ставятся цели, ориентированные на индивидуальный или корпоративный успех, во втором - преследуется достижение каких-то не ориентированных непосредственно на успех ценностей (допустим, поиск истины в жизненном или исследовательском плане или же ориентация на самореализацию), но эти ценности тоже способны приносить успех, правда, как бы само собой, ненамеренно, скорее всего в отдалении. В пострациональной морали ставится и положительно решается вопрос о праве на предпочтение одного из этих типов социального действия другому, об оптимизации их сочетания, их конфигурации в жизнедеятельности в целом или же в ее узловых отрезках, в критических точках жизненной траектории.

Пострациональная мораль, в отличие от рациональной морали, которая исподволь грешила эзотеризмом и заносчивостью "людей успеха", свободно легитимизирует каждое из названных предпочтений, терпимо относится к любым их пропорциям и комбинациям. Когда-то, сопоставляя воззрения Эпикура и Аристотеля, молодой Маркс писал, что первый воплощал "божественный покой", тогда как второй - "божественную энергию".

Ныне крайности сходятся, но не так, как прижимающиеся от холода друг к другу дикобразы. Принцип уважения к личности, выпестованной на ценностях энергетике успеха в рациональной морали, оказывается здесь не столь уж несовместимым с уважением к личности, воспитанной в духе ценностей солидаризма, любви к "выси" и "далям" (по выражению Н.Бердяева). И даже к принявшим квиетизм - "философию покоя", не говоря уже о тех, кто исповедует мужественный стоицизм.

«Спор о “древних” и “новых”»: ожидание финала

В рамках пострациональной морали возникают и зреют новые доминанты - экологические, неоasketические, неоэгалитаристские, коммуналистские, локалистские и т.п. Важно при этом, что в силовом поле детерминант деятельности перестают быть конфронтационными традиционная и модернистская нормативно-ценностные системы, кладется конец старинному (возникшему на рубеже XVII и XVIII веков) «Спору о “древних” и “новых”», так как "новейшие" предпочитают союзные отношения между "древними" и "новыми" в морали.

Такие неведомые для прошлого отношения, разумеется, не избавят субъекты пострациональной морали от трудностей идентификации при сопряжении, как образно выражался Мих.Ломоносов, "далековатых понятий", не исключат множества психологических смещений, фрустраций, тягостной утраты идентичности.

В свое время отвержение традиционной морали вызывало потрясения, которые хотя и не были прямыми революционными катаклизмами, но по своим последствиям превзошли любые революции. И теперь в мире - и у нас в стране - наблюдается неприятие нового как с позиций инерциального свойства, так и весьма обоснованной мотивации. В России переход от патримониальной модернизации к современной, усложненной постмодернизационными процессами, создает ситуацию, когда человек, проживая в двух культурах одновременно, ощущает себя в положении шукшинского мигранта, причем в обеих культурах он интегрирован лишь частично, что служит источником множества межличностных и внутриличностных конфликтов.

Нравственная мудрость, на которую опирается пострациональная мораль, предполагает ясное осознание того неустранимого факта, что, с одной стороны, рациональная мораль и этика успеха содержат в себе сильнейшую угрозу иссушения нравственных чувств людей, их механизации, с другой - что одна только естественная мораль может сделать людей совершенно непригодными для существования в "открытом" обществе. Мудрость вводит запрет на отсечение двух ценностных миров друг от друга или на восприятие их как "низших" или "высших". Она предполагает понимание того обстоятельства, что нельзя обойтись без рыночной экономики, но, вступая на рыночную площадь, впитывая, ассимилируя ценности этики успеха, человек не вправе утрачивать приверженности сокровенным ценностям, выработанным поколениями, не может пренебрегать и иррациональными глубинами человеческого сознания - не там ли затаились истоки добра и зла? Обе эти "морали", так сказать, обязаны "знать свое место" и отказаться от гегемонистских притязаний.

"Новейшая" мораль, улаживая спор "древних" с "новыми", полагает, что различия между ними берут свое начало не столько из разных исторических эпох, сколько из различных сфер жизнедеятельности (публичной и частной, профессиональной и непрофессиональной, протекающей в рамках иерархически выстроенных организаций или вне их). Не очень-то просто осознать данные различия и их источники. Но неизмеримо сложнее овладеть нравственной

мудростью "новейших", прихотливым искусством переключения из одного ценностного мира в другой. Как ни стараться, но духовные издержки при этом неизбежны - с этим ничего не могут поделать ни нравственная мудрость, ни самое изощренное искусство переключения. Подобное признание не предвещает "новейшим" сладкую нравственную жизнь - останутся и драмы поиска смысла жизни, и трагедии его ненахождения. Интеллектуальный долг обязывает понять и принять такой вывод, ибо "все может надоест, кроме понимания" (Вергилий).

У футурологов прежде бытовала шуточная фраза: трудно предсказывать, особенно будущее. Эта трудность отпугивает и нас от ремесла предсказателей судеб морального кризиса и роли в нем всех трех нормативно-ценностных систем. Есть только один способ, не превышая разумной дозы риска, заглянуть в будущее морали: внимательно проследить ведущие тенденции ее развития, охарактеризовать потенциалы перемен.

Большинство аналитиков, экспертов, публицистов и т.п., исследующих социальные процессы современной России, специфику переживаемого ею кризиса, будто сговорились, усматривая способ спасения в духовном, нравственном возрождении страны. Против этого невозможно спорить, и мы согласились бы с таким утверждением, если бы "возрождение" зачастую не отождествлялось просто с "возвращением". Но к чему? В самом деле, многие духовные процессы, хотя и шли у нас с трудом, крайне противоречиво, но все же шли. И были грубо прерваны в годы революционного лихолетья. Позднее возник уродливый феномен, который можно было бы назвать "этатизированным этосом". Он подменил собой подорванную традиционную нормативно-ценностную систему и последовательно вытеснял ценности рациональной морали, которую в России представляли различные городские слои, предпринимательские круги, российская меритократия, группы зарождающегося среднего класса.

Так к чему же тогда призывают нас "возвращаться" возрождаясь? Создалось впечатление, что многие аналитические материалы как-то обходят стороной данную проблему. Между тем, хотя общество и пресытилось прогрессистскими идеями (хотя неразумно отвергать идею как научно-технического, так и социально-культурного прогресса), но оно и не обрело гарантий от опасности регрессизма. Какова же торная дорога в развитии морали?

Мы попытались в общих чертах определить русло, магистраль цивилизованных изменений культурно-нравственного плана. России предстоит положить конец затянувшемуся в ней спору "древних" (традиционная мораль, идеология соборности) и "новых" (рациональная мораль с ценностями этики успеха), не оказывая исключительной и демонстративной поддержки ни той, ни другой стороне, делая ставку на то, что возвышается над ними, не умаляя ни ту, ни другую.

Формы пострациональной морали не являются какими-то экстравагантными отклонениями от первых двух, некоей случайной патологией традиционности или рациональности. Они - естественный результат развития лучших тенденций, творческих возможностей как традиционной, так и рациональной морали, иначе говоря - этики, дезавуирующей по нравственным соображениям непосредственное стремление к ценностям успеха, достижения, и - этики успеха как побудительного (и ограничительного) фактора инновационного поведения.

В новой складывающейся социальной реальности России есть, так сказать, место и "подвигу успеха", и нравственно трепетным мотивам отказа от успеха - делового, профессионального или даже в целом жизненного.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Т.Котарбиньский. Трактат о хорошей работе. - М., 1975.
2. Б.Рассел. История западной философии. - М., 1959.
3. В.И.Бакштановский. Моральный выбор личности: альтернативы и решения. - М., 1983.
4. С.Н.Паркинсон. Законы Паркинсона. - М., 1989.
5. Д.Карнеги. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. - М., 1989.
6. А.В.Толстых. Куда ведут добрые намерения // Дейл Карнеги. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М., 1990
7. В.П.Зинченко, Ю.М.Жуков. Предисловие //Дейл Карнеги. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. - М., 1989.
8. Е.Жариков. Школа успеха // Газета "Успех". 1990. N1.
9. А.П.Апыгин. Риск. - М., 1988.
10. Ю.Вучков. Искусство жить. - М., 1989.
11. А.Гельман. Гарантия победы. - Литературная газета. 1984. N33.
12. А.Салуцкий. Уметь жить! - М., 1980.
13. Т.Г.Голенпольский, В.П.Шестаков. "Американская мечта" и американская действительность. - М., 1981.
14. С.В.Попов, П.Г.Щедровицкий. Конкурс руководителей. - М., 1989.
15. R.M.Huber. The american idea of success. - New York, McGraw-Hill Book Company, 1971.
16. Р.Хубер. Моральные дилеммы успеха. - Вестник "Этика успеха". Выпуск 3. - Тюмень-Москва, 1994.
17. Р.Хубер. Деньги. Статус. Слава. - Вестник "Этика успеха". Выпуск 2. - Москва-Тюмень, 1994.
18. Макс Лернер. Развитие цивилизации в Америке. Т 1, Т2. - М., 1992.
19. А.Г.Асмолов. О моделях успеха в эволюции цивилизации. - Вестник "Этика успеха". Выпуск 8. - Тюмень-Москва, 1996.
20. А.В.Толстых, И.Н.Толстых. Победитель не получит ничего. - Вестник "Этика успеха". - Тюмень-Москва, 1996.
21. J.W.Atkinson. An introduction to motivation. - New York, 1964.
22. Ю.Козелецкий. Психологическая теория решений. - М., 1979.
23. О первой гипотезе см.: M.Zuckerman, S.N.Allison. An objective measurement of fear of success: Construction and validation // Journal of Personal Assessment. 1976. N 40.
О второй гипотезе см.: С.Н.Simmons et al. Success strategies: winning through cooperation or competition // Journal of Social Psychology. 1986. N 126.
24. A.Kohn. How to succeed without even vying // Psychology Today. 1986. N 20.
25. D.Tjosvold. Cooperative and competitive dynamics with and between organizational units // Human Relations. 1988. N 41.
26. J.P.Kotter. The general managers. - New York, 1982.
27. A.K.Korman, S.R.Mahler, K.A.Omran. Work ethics and satisfaction, alienation, and other reactions // Handbook of vocational psychology. W.B.Walsh, S.H.Osipow (Eds.). Vol.II. - Hillsdale, New Jersey, 1983.
28. См. подробнее об этом: Будь лицом: ценности гражданского общества. - Томск, 1993, том 1.
29. Г.Беккер. Экономический анализ и человеческое поведение // "THESIS":

- теория и история экономических и социальных институтов и систем. - М., 1993.
30. А.А.Гусейнов. Мораль и рынок // Нравственные основы предпринимательской деятельности. - Воронеж, 1995.
31. Etzioni Amitai. The Moral Dimension. Towards the new Economics. - New York - London, 1990. p.8.
32. Г.Гегель. Философия права. - М., 1990, с.98. Подробнее об этом см.: В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов. Этика гражданского общества // Будь лицом: ценности гражданского общества. Т.1 - Томск, 1993.
33. Подробнее о характере согласительной работы см.: Ю.Хабермас. Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса// "Вопросы философии", 1994, N10.
34. См., например: Th.Donaldson. The Ethics of International Business - New York, Oxford, 1990.
35. См. подробнее: Andreas Buss. The economic ethics of Russian-Orthodox Christianity // International Sociology. 1989. Vol.4. N.3. P.235-258; N.4. P.447-472.
36. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. - М., 1993. Мы сейчас не говорим о свойствах национального самосознания, которое, по определению, включает неоднородные и даже противоречащие друг другу элементы.
37. Ю.А.Левада. Судьба "человека советского": Размышления пять лет спустя. - Вестник "Этика успеха". Выпуск 9. - Тюмень-Москва, 1996.
38. Зигмунт Бауман. Социология постмодернизма. М., 1991.
39. См., например, результаты исследований фонда "Общественное мнение" ("Полис", 1993, N4, 1994, N1) и исследования И.М.Клямкина и В.В.Лапкина ("Этика успеха", NN 4, 5, 6).
40. И.Мартынов. Так говорил Иван-дурак // Собеседник, 1991, N38.
41. В.В.Иванов, В.Н.Топоров. Иван Дурак // Мифологический словарь. - М., 1990.
42. А.Васинский. Прощание с иллюзией // Известия, 1991, 5 июля.
43. Зигмунт Бауман. От паломника к туристу // Социологический журнал, 1995, N4.

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов. *Этика успеха. Введение в доктрину*. Спецкурс. Препринт./ Издание Центра прикладной этики. - Тюмень-Москва, 1996. - 134 с.

Редактор И.А.Иванова
Художник М.М.Гардубей

Подписано в печать 24.06.96.
Формат 62х90/16.
Гарнитура Прагматика.
Печ.л. 8,4.
Уч.изд.л. 7,59.
Уел.печ.л. 10,71.
Печать офсетная.
Бумага писчая № 1.
Тираж 500 экз.
Заказ №11.
Цена договорная.
Этика / Из- 1996.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ИПП "Тюмень" 625002, Тюмень,
ул.Осипенко, 81.